

О политических или революционных психозах¹⁾.

Проф. В. П. ОСИПОВА.

I.

Вліяніе революціонныхъ эпохъ, крупныхъ государственныхъ переворотовъ, народныхъ движеній на душевное здоровье населенія давно интересовало врачей. Соответствующія политическія эпохи естественнымъ образомъ служили предметомъ изученія со стороны психіатровъ въ указанномъ направлении. Имѣются наблюденія относительно вліянія французскихъ революцій на душевное здоровье населенія; на основаніи этихъ наблюденій былъ выдѣленъ въ половинѣ минувшаго столѣтія *политическій психозъ*—*folie polytique (Belhomme)*; но существовали и противоположные взгляды, отрицавшіе сколько-нибудь значительное вліяніе революціонныхъ эпохъ на душевное здоровье лицъ, ихъ переживавшихъ (*Le-grand-du-Saulle*). Знаменитый *Griesinger* говоритъ, что въ 1748 году, когда всѣ занимались политикой, о многихъ больныхъ думали, что они заболѣли душевнымъ расстройствомъ изъ-за политики. „Заслуживаетъ вниманія“, говоритъ онъ, „что большіе политическіе перевороты, повидимому, имѣютъ гораздо меньшее вліяніе на частоту душевныхъ болѣзней, чѣмъ это можно ожидать a priori. *Esquirol* замѣтилъ это уже относительно первой французской революціи; революціонныя движенія 1830 и особенно 1848 года, какъ видно изъ много-

¹⁾ Доложено въ Обществѣ невропатологовъ и психіатровъ при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ 7 апрѣля 1910 года.

численныхъ свѣдѣній во Франціи и Германіи (чему противорѣчатъ данныя почти одного *Brierre*), не произвели никакого или только незначительное увеличеніе числа заболѣваній. Незнающему вліяніе революцій кажется большимъ, потому что въ это время политика даетъ содержаніе и окраску бреду многихъ больныхъ, что представляетъ большею частью явленіе очень случайнаго и вѣшняго характера¹⁾.

Мы не намѣрены подробно излагать исторію возникновенія и развитія вопроса о политическихъ психозахъ, и вышеприведенная историческая справка сдѣлана нами лишь для подтвержденія того, что вліяніе политическихъ переворотовъ на количество и качество душевныхъ заболѣваній давно привлекало вниманіе психіатровъ.

Насъ интересуетъ, главнымъ образомъ, вопросъ о качественныхъ отличіяхъ душевныхъ заболѣваній, развивающихся въ связи съ революціонными событіями. Хотя *политическій психозъ* былъ отмѣченъ еще въ половинѣ минувшаго столѣтія, однако требованія того времени для выдѣленія душевнаго заболѣванія въ самостоятельную клиническую форму да и взгляды психіатровъ того времени на душевныя заболѣванія вообще настолько существенно отличались отъ требованій и взглядовъ настоящаго времени, что изложеніе ихъ отношенія къ политическимъ психозамъ не принесло бы намъ существенной пользы. Что же касается вопроса о вліяніи революціонныхъ эпохъ на количество душевныхъ заболѣваній, то слѣдуетъ замѣтить, что при сравнительно слабомъ развитіи прирѣвнія и статистики душевно-больныхъ въ половинѣ прошлаго столѣтія даже въ Западной Европѣ точныхъ свѣдѣній объ увеличеніи заболѣваемости психозами подъ вліяніемъ революціонныхъ событій не могло быть представлено.

¹⁾ *W. Griesinger. Die Pathologie und Therapie der Krankheiten. Zweite Auflage Stuttgart. 1861. S. 75. 144.*—Душевныя болѣзни, *В. Гризингера.* Перев. съ послѣдняго нѣм. изд. Изд. 3-е. 1881. Стр. 77. 149.

Понятно, что интерес къ политическому психозу переживалъ сравнительно не надолго періоды революціонныхъ событій, его вызывавшихъ; отчасти это объясняется тѣмъ, что, по мѣрѣ впаденія бурно кипѣвшей общественной жизни въ ея обычное русло, исчезалъ и самый матеріаль, объектъ наблюденія,—революціонный, политическій психозъ. Интересъ къ нему вспыхивалъ снова съ развитіемъ общественныхъ движеній политическаго характера, обусловливавшихъ новое его появленіе. Сказаннымъ объясняется, почему соотвѣтствующая психіатрическая литература относительно невелика, и почему она появляется лишь въ опредѣленные періоды политической жизни различныхъ странъ.

Каждый психіатръ, имѣвшій возможность наблюдать и изучать душевныя разстройства, развивавшіяся въ Россіи въ связи съ политическими событіями послѣднихъ лѣтъ, конечно, попытался разобраться въ качествѣ этихъ разстройствъ, въ условіяхъ ихъ происхожденія и развитія и, конечно, выработалъ себѣ по отношенію къ нимъ опредѣленный взглядъ.

Въ настоящее время, когда волна революціоннаго подъема упала, когда одновременно исчезла и обстановка, которая могла вызывать появленіе психозовъ указаннаго характера, наступилъ моментъ спокойной и объективной оцѣнки психозовъ минувшаго періода. Однако прежде, чѣмъ высказать свое мнѣніе и отношеніе къ революціоннымъ психозамъ, мы приведемъ литературу вопроса, возникшую изъ событій послѣднихъ лѣтъ.

Первыя работы о политическихъ психозахъ относятся къ 1905—06 годамъ, т. е., ко времени ближайшему къ событіямъ, захватившему ихъ отчасти. Изъ этихъ работъ первыя три принадлежатъ д-ру *Рыбакову*.

Опредѣляя содержаніе своихъ наблюденій, *Рыбаковъ* говоритъ, что его интересовали не тѣ случаи, въ которыхъ происходяція политическія событія отражались на бредѣ больныхъ, а что онъ имѣетъ въ виду отмѣтить лишь тѣ слу-

чаи, въ которыхъ между психическимъ разстройствомъ и текущими событиями можно установить болѣе тѣсную, органическую связь, гдѣ совершающіяся событія и связанная съ ними психическая рана служили главной вызывающей причиной душевнаго разстройства,—говоря другими словами, авторъ имѣетъ въ виду лишь тѣ случаи, гдѣ текущія политическія событія тѣсно сплетаются съ картиною душевной болѣзни, являясь въ то же время главною исходною точкою душевнаго заболѣванія.

Работа основана на 7 наблюденіяхъ, сдѣланныхъ съ 22 октября по 16 ноября 1905 г. Наблюденія эти слѣдующія:

1. Студентъ лицея, 27 л., отецъ выпиваль, сестра припадочная; заболѣлъ послѣ погрома. 2. Провизоръ, 40 л., нервно-психическая наследственность и алкоголизмъ исключаются; заболѣлъ послѣ объявленія забастовокъ фармацевтами. 3. Приказчикъ, 30 л., отецъ страдалъ душевнымъ разстройствомъ; угрозы при отказѣ его участвовать въ стачечномъ комитетѣ. 4. 38 л., наследственность неизвѣстна, во время студенчества страдалъ, видимо, душевнымъ разстройствомъ; заболѣлъ послѣ стрѣльбы казаковъ около университета 20 окт. 5. Торговецъ, 28 л., указаний на наследственность нѣтъ, вина не пилъ; заболѣлъ вслѣдъ за побоищемъ въ Охотномъ ряду. 6. Служащій на желѣзной дорогѣ, 24 г., наследственность отрицается; живое участіе въ событіяхъ и въ социаль-демократической партіи. 7. Токарь, 24 г., отецъ алкоголикъ, мать истеричка; волненія по поводу забастовокъ.

Что касается картины болѣзни, то, по словамъ автора, въ 5 случаяхъ она носила характеръ остро развившагося первично-бредового помѣшательства (paranoïa) съ бредомъ преслѣдованія и съ замѣтно выраженнымъ элементомъ психического угнетенія, въ 1 случаѣ—характеръ маниакальнаго возбужденія съ первично-бредовыми (паранояльными) идеями, и въ 1 случаѣ къ первично-бредовой картинѣ присоединились явленія спутанности сознанія.

Въ заключеніе авторъ отмѣчаетъ особенности описываемыхъ имъ формъ: 1) быстрое начало и развитіе болѣзни;

2) замѣтно выраженный элементъ психическаго угнетенія; 3) рѣзко выраженныя явленія страха, тревоги и ожиданія чего-то ужаснаго; 4) нестойкость и измѣнчивость бредовыхъ идей; 5) наклонность къ послабляющему теченію; 6) обиліе галлюцинаторныхъ и иллюзорныхъ явленій. Бредовыя представленія, а отчасти и галлюцинаціи, по содержанію въ значительной степени связаны съ текущими событіями. Поражаетъ также, если только это явленіе не случайное, сравнительная частота развитія болѣзни у лицъ, бывшихъ до того совершенно здоровыми и не обладающихъ наслѣдственнымъ расположеніемъ. Обстоятельство это невольно заставляетъ думать, что психическая рава, имѣющая своей исходной точкой текуція политическія событія, настолько велика, что сама по себѣ, безъ подготовленной почвы, способна иногда нарушить психическое равновѣсіе бывшей до того здоровою личности¹⁾.

Продолжая наблюденія надъ лицами, заболѣвшими душевнымъ разстройствомъ въ связи съ политическими событіями, д-ръ *Рыбаковъ* вскорѣ опубликовалъ еще 5 случаевъ такихъ заболѣваній.

1. Драпировщикъ. 43 г. Отецъ выпивалъ. Мать, повидимому, страдала душевнымъ разстройствомъ. Сильно волновался событіями. 2. Студентъ, 22 г. Тетка со стороны матери страдала прогрессивнымъ параличемъ. Присутствовала при обстрѣливаніи Технологическаго Института. 3. Студентъ. 22 г. Мать страдала періодическимъ психозомъ. Тетка душевно-больная. Потрясеніе отъ погромовъ и избіеній, происходившихъ на его глазахъ. 4. Кассиръ. 37 л. Отецъ умеръ отъ апоплексіи. Мать и братъ нервные и раздражительные. Напуганъ забастовками. 5. Управляющій фабрикой. 50 л. Отецъ и дядя со стороны отца алкоголики. Мать была очень нервная и умерла отъ апоплексіи. Забастовки на фабрикѣ и погромы.

Дѣлая выводы изъ своихъ наблюденій, авторъ отмѣчаетъ слѣдующее: 1. Во всѣхъ случаяхъ болѣзни появилась въ пер-

¹⁾ *О. Ф. Рыбаковъ*. Душевные расстройства въ связи съ текущими политическими событіями.—Русскій Врачъ. 1905. № 51.

вый разъ. 2. Во всѣхъ случаяхъ имѣются указанія на нервно-психическую наслѣдственность. 3. Во всѣхъ случаяхъ замѣтна наклонность болѣзненной картины къ параноическому типу (идеи преслѣдованія), при чемъ въ однихъ случаяхъ болѣзнь носитъ характеръ настоящей параной (сл. 1), въ другихъ же параноический элементъ даетъ лишь нѣкоторую своеобразную окраску всему теченію болѣзни (сл. 3, 4, 5) или же только начальному ея періоду (сл. 2). 4. Во всѣхъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ вначалѣ болѣзни, имѣются на лицо бредовыя идеи и галлюцинаціи, связанныя съ текущими событіями (забастовки, сыщики, с.-д., туземцы, крики и угрозы толпы и пр.). 5. Почти во всѣхъ случаяхъ замѣтно выражень элементъ тревоги и страха, а въ большинствѣ случаевъ—и психического угнетенія.

Сравнивая клиническую картину послѣднихъ 5-ти случаевъ и 7-ми случаевъ, описанныхъ въ предшествующей работѣ, авторъ высказываетъ мнѣніе, что нѣкоторая общность картины душевныхъ расстройствъ, связанныхъ съ текущими политическими событіями,—не простая случайность, а обусловливается тѣми особенностями психической раны, которая лежитъ въ основѣ этихъ событій, и связана съ *тревогой* и волненіями, а также содержитъ въ самой сущности своей элементы борьбы, насилія, *угнетенія* и *преслѣдованія*. Авторъ далекъ отъ мысли, что текуція событія создаютъ какую-либо особую форму болѣзни, но онъ полагаетъ, что эти событія, являясь толчкомъ къ развитію душевнаго расстройства, даютъ вмѣстѣ съ тѣмъ свою особую окраску этому расстройству не только въ видѣ соотвѣтственныхъ бредовыхъ идей и галлюцинацій, но и въ видѣ нѣкоторой вышеуказанной особенности въ проявленіи болѣзненной формы.

Во всѣхъ 5-ти случаяхъ, говоритъ авторъ, имѣются указанія на нервно-психическую наслѣдственность; поэтому онъ готовъ признать, что отсутствіе наслѣдственнаго расположенія въ 3-хъ описанныхъ раньше случаяхъ составляетъ

случайное исключеніе или указываетъ на недостаточность и несовершенство собранныхъ свѣдѣній. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ душевное расстройство развивается у лицъ, обладающихъ наслѣдственнымъ расположеніемъ къ заболѣванію, неуравновѣшенныхъ, неустойчивыхъ и, можетъ быть, уже ранѣе нѣсколько invalidныхъ и психопатическихъ. Лица, не имѣющія наслѣдственнаго расположенія къ душевнымъ расстройствамъ, повидимому, обладаютъ въ достаточной мѣрѣ психической устойчивостью, необходимой для происходящей политической борьбы, и имъ не страшны волненія, невзгоды и ужасы, связанные съ переживаемымъ историческимъ моментомъ.

Исходъ болѣзни зависитъ отъ степени психической устойчивости, наслѣдственнаго обремененія, физическаго состоянія организма. Однако при наблюденіи описанныхъ случаевъ у автора получилось впечатлѣніе, какъ будто въ общемъ они даютъ сравнительно хорошее предсказаніе¹⁾.

Въ третьей своей работѣ д-ръ *Рыбаковъ*, исходя изъ указанія, что уже давно подмѣченъ тотъ фактъ, что политическіе перевороты влекутъ за собою увеличеніе числа душевныхъ расстройствъ, высказываетъ увѣренность, что и послѣднія политическія событія въ этомъ смыслѣ не остались безъ вліянія; обстоятельство это невольно²⁾ обращаетъ на себя вниманіе въ виду большого количества душевныхъ заболѣваній, развившихся въ послѣднее время въ связи съ событіями текущей жизни. Вопросъ однако въ томъ, дѣйствительно ли политическія событія увеличили собою число душевныхъ заболѣваній, или они только послужили толчкомъ къ психическимъ расстройствамъ, не измѣнивъ обычнаго процентнаго отношенія ихъ къ численности здороваго населенія и придавъ имъ лишь своеобразную окраску. Рѣшеніе этого вопроса воз-

¹⁾ *О. Е. Рыбаковъ*, Душевные расстройства въ связи съ современными политическими событіями.—Русскій Врачъ. 1906. № 3.

можно только въ ближайшемъ будущемъ на основаніи отчетности психіатрическихъ заведеній, являющихся до извѣстной степени показателемъ числа душевныхъ заболѣваній. Обращаясь къ своимъ наблюденіямъ, авторъ отмѣчаетъ, что носителями душевнаго разстройства являлись лица самыхъ разнообразныхъ политическихъ убѣжденій, начиная отъ „правыхъ“ и кончая „крайними лѣвыми“. Лица, участвовавшія въ политическомъ движеніи пассивно, заболѣвали гораздо чаще, чѣмъ лица, принимавшія непосредственно живое участіе въ этомъ движеніи (9 изъ 12-ти больныхъ автора), авторъ объясняетъ наблюдавшееся имъ явленіе тѣмъ, что пассивные элементы общества, равнодушные къ борьбѣ и даже тяготящіеся ею, сильнѣе чувствуютъ на себѣ гнетъ происходящихъ событій, и потому психическая рана является для нихъ болѣе чувствительной. Повторяя и подтверждая выводы своихъ первыхъ работъ, особенно второй, авторъ подтверждаетъ и свое впечатлѣніе о сравнительно благопріятномъ исходѣ заболѣванія, основанное на томъ, что 4 изъ наблюдавшихся имъ больныхъ, которыхъ онъ не потерялъ изъ вида, выздоровѣли, а также на остромъ началѣ и теченіи болѣзни ¹⁾).

Скляръ писалъ свою статью въ то время, когда ему была извѣстна только первая работа *Рыбакова*; если бы *Скляру* были извѣстны позднѣйшія работы *Рыбакова*, то нѣкоторыя его возраженія по адресу послѣдняго отпали бы сами собою.

Въ теченіе полугодія *Скляръ* наблюдалъ въ Бурашевской колоніи (при поступленіи отъ 650—700 больныхъ въ годъ) 4 больныхъ, заболѣвшихъ въ связи съ политическими событіями.

1. Столяръ, 37 л. Алкоголикъ; дядя душевно-больной; разгромъ Тверской управы. 2. Рабочій, 35 л. Пилъ; двоюродная сестра душевно-больная; забастовки. 3. Рабочій, 15 л. Баррикады.

¹⁾ *О. Е. Рыбаковъ*. Душевные разстройства въ связи съ послѣдними политическими событіями.—Русскій Врачъ. 1906. № 8.

4. Артельщикъ, 29 л. Алкоголикъ; дядя душевно-больной; забастовки.

Авторъ обращаетъ вниманіе, что во всѣхъ случаяхъ болѣзнь наступила сейчасъ же послѣ потрясеній, связанныхъ съ текущими политическими событіями, впрочемъ, въ 1-мъ случаѣ, она, повидимому, готовилась уже раньше; такимъ образомъ устанавливается связь политическихъ событій съ заболѣваніемъ. Можно предположить причинную связь психоза съ извѣстными событіями, пишетъ *Скляръ*, если онъ проходитъ вскорѣ послѣ того, какъ послѣднія перестаютъ оказывать на больного свое вліяніе; такого благопріятнаго исхода ни въ одномъ изъ своихъ случаевъ авторъ установить не могъ. У автора получилось 75% больныхъ съ явнымъ психопатическимъ предрасположеніемъ, а у *Рыбакова* 56% (на основаніи первой статьи), поэтому ни въ какомъ случаѣ нельзя согласиться съ *Рыбаковымъ*, что въ его случаяхъ болѣзнь развивалась у лицъ, бывшихъ до того совершенно здоровыми (одинъ хворалъ повторно) и не обладающихъ наследственнымъ расположеніемъ. Нельзя было отмѣтить и особой формы психоза, вызываемой революціонными событіями. Единственное характерное явленіе для психозовъ, развившихся подъ вліяніемъ текущихъ политическихъ событій, составляетъ содержаніе галлюцинацій и бредовыхъ представленій, но въ содержаніе болѣзненныхъ явленій обыкновенно черпается изъ окружающей обстановки и окружающихъ представленій, подъ вліяніемъ которыхъ находился больной до заболѣванія.

Резюмируя свою работу, д-ръ *Скляръ* говоритъ, что ни матеріалъ *Бурашевской* колоніи, ни матеріалъ ч. пр. *О. Е. Рыбакова* не говоритъ за то, что болѣзнь развивалась у лицъ, не обладающихъ наследственнымъ предрасположеніемъ. Еще болѣе недоказаннымъ остается заявленіе ч. пр. *О. Е. Рыбакова* о существованіи особой формы психоза, развивающейся подъ вліяніемъ текущихъ политическихъ событій: въ большинствѣ своихъ случаевъ авторъ видѣлъ обыкновенныя формы раннаго или кататоническаго сла-

боумія, а въ случаяхъ *Θ. Е. Рыбакова* онъ тоже не могъ найти никакихъ специфическихъ признаковъ, которые давали бы право выдѣлить данный психозъ изъ ряда другихъ, уже общепризнанныхъ. Конечно, не всякій обремененный наслѣдственностью долженъ непременно заболѣть, а если бы было доказано, что болѣзнь, начавшаяся при извѣстныхъ условіяхъ, перешла въ выздоровленіе, это обстоятельство могло бы служить доказательствомъ въ пользу предположенія, что именно эта причина и вызвала данный психозъ, хотя бы и при подготовленной почвѣ, но такого случая у автора нѣтъ вовсе, а у *Θ. Е. Рыбакова* только 1 и то спорный, такъ какъ больной оставался подъ наблюденіемъ очень короткое время (всего 3 недѣли). Всѣ эти данныя не даютъ пока никакихъ основаній утверждать, что текуція политическія событія служатъ главной вызывающей причиной душевнаго расстройства¹⁾.

Вторая статья д-ра *Скляр* появилась послѣ ознакомленія его со второй статьёй д-ра *Рыбакова*; авторъ отмѣчаетъ, что вслѣдствіе готовности д-ра *Рыбакова* отказаться отъ мысли, что болѣзнь часто развивается у лицъ, не обладающихъ наслѣдственнымъ расположеніемъ, падаетъ самый главный аргументъ, выставленный *Рыбаковымъ* 4 недѣли тому назадъ, по которому революціонная психическая рана можетъ вызвать душевное расстройство и на непсихопатической почвѣ. Авторъ стоитъ за болѣе опредѣленное предсказаніе объ исходѣ разсматриваемыхъ заболѣваній, примѣнительно къ ихъ формѣ и симптомамъ, указывая, напр., что при наличности кататоническихъ явленій при извѣстныхъ болѣзняхъ (кататонія, dementia praecox) мы можемъ, не зная даже степени наслѣдственнаго расположенія больного, заранѣе сказать, что они приведутъ къ слабоумію. Анализируя пять случаевъ, приведенныхъ *Рыбаковымъ* въ его второй работѣ, *Скляръ* приходитъ

¹⁾ *Н. М. Скляръ*. О вліяніи текущихъ политическихъ событій на душевныя заболѣванія.—Русскій Врачъ. 1906. № 8.

къ выводу, что изъ нихъ никоимъ образомъ нельзя вывести заключенія о существованіи особой формы болѣзни, имѣющей своимъ основаніемъ современныя политическія событія; впрочемъ, отъ этой мысли отказался и *Рыбаковъ*; эти заболѣванія укладываются въ рамки существующихъ клиническихкихъ формъ; также несправедлива идея *Рыбакова*, что рассматриваемымъ психозамъ присущи особенности, отличающія ихъ отъ подобныхъ болѣзней, такъ какъ указываемыя имъ особенности свойственны и этимъ послѣднимъ; единственная черта — содержаніе галлюцинацій и бредовыхъ идей, стоящее въ связи съ событіями современной политической жизни, отличаетъ очень многихъ душевно-больныхъ эпохи и поэтому не имѣетъ существеннаго значенія. Такимъ образомъ, заключаетъ *Скляръ*, и предположеніе *О. Е. Рыбакова*, что современныя событія даютъ особую окраску описываемому ими душевному разстройству въ видѣ нѣкоторой особенности въ проявленіи болѣзненной формы, не можетъ пока имѣть подъ собою прочно установленной фактической почвы; не доказано фактами и то положеніе *Рыбакова*, что текущія политическія событія вызываютъ психозъ даже у людей психопатическихъ¹⁾.

Мы позволили себѣ особенно подробно остановиться на передачѣ содержанія работъ *Рыбакова* и *Скляра* потому, что это первыя появившіяся работы только-что минувшей эпохи и интересующаго насъ направленія и потому, что онѣ принадлежатъ авторамъ, являющимся выразителями почти противоположныхъ взглядовъ на одинъ и тотъ же вопросъ.

Ярошевскій, работа котораго относится тоже къ 1906 г., считаетъ несомнѣннымъ, что переживалась въ извѣстномъ смыслѣ психическая эпидемія, вліявшая на душевное здоровье населенія; на основаніи накопившагося у него матеріала авторъ обращаетъ вниманіе на массовыя нервнопсихическія

¹⁾ *Н. М. Скляръ*. Еще о вліяніи текущихъ политическихъ событій на душевныя заболѣванія. — Русскій Врачъ. 1906. № 15.

заболѣванія среди тѣхъ элементовъ общества, которые активно или пассивно соприкасались съ настоящимъ политическимъ движеніемъ, и ближайшею причиною заболѣванія которыхъ надо считать наслѣдственную или приобрѣтенную нестойкость ихъ нервнопсихическаго аппарата, нестойкость души; эти нестойкія души во время историческихъ катастрофъ прежде всего и заболѣваютъ нервными и психическими болѣзнями. Авторомъ опубликованъ пока матеріалъ изъ 11 случаевъ, относящихся ко времени съ 13 октября до конца декабря 1905 г., когда политическая борьба въ Самарѣ шла быстрымъ темпомъ, и митинги, забастовки, демонстраціи, стычки съ войсками и полиціей не прекращались.

1. Чулочница, 28 л., зам., *gravid*a; нервная особа; пошла подь выстрѣлы; абортъ. 2. Швея, 19 л. Увлекалась революціей; на митингѣ получила травму кулакомъ по затылку. 3. Гимназистка, 12 л. Мать нервная. Толпа ворвалась въ классъ. 4. Гимназистка 8 кл. Родители нервные. Сама нервная и малокровная. Толпа ворвалась въ классъ. 5. Гимназистка, 15 л. Очень малокровная, нервная. Увлекалась митингами. 6. Гимназистка, 17 л. Всегда была здорова, въ семьѣ нервно-больныхъ нѣтъ. Увлекалась политикой и митингами. 7. Модистка, 18 л. Нервная и малокровная, наслѣдственности нѣтъ. Увлекалась политикой и митингами. 8. Гимназистка, 15 л. Слабая, малокровная. Всѣ члены семьи увлечены активной политикой. 9. Ученикъ технического училища, 16 л. Слабый, малокровный, страдает маляріей. Былъ на митингѣ. 10. Зам., 22 г. Отецъ хроническій алкоголикъ, у бабушки эпилепсія. Увлечение политикой. 11. Народная учительница, 25 л. Наслѣдственности нѣтъ, немного нервная. Участіе въ манифестаціи, побори.

Всѣ перечисленные больные—нестойкія въ нервнопсихическомъ отношеніи, ранимыя души, достаточно малѣйшаго толчка, чтобы онѣ заболѣли. Разнообразіе формъ заболѣванія, начиная отъ сравнительно легкихъ формъ истеріи и кончая глубокимъ галлюцинаторнымъ и маниакальнымъ помѣшательствомъ, показываетъ, что имѣлось дѣло не съ психической эпидеміей, а съ массовымъ заболѣваніемъ нестойкихъ въ нервнопсихическомъ отношеніи элементовъ, выведенныхъ изъ рав-

новѣсія одной общей причиной—политическими событіями. Авторъ обращаетъ вниманіе на значительное преобладаніе женщинъ надъ мужчинами, подтверждаемое и дальнѣйшими его наблюденіями, пока неопубликованными. Раздѣляя своихъ больныхъ на участвовавшихъ активно въ протекавшихъ событіяхъ и пассивныхъ участниковъ, случайно вовлеченныхъ въ круговоротъ событий, авторъ приходитъ къ выводу, что сильнѣе всего, т. е., болѣе серьезными формами, заболѣли тѣ, которые принимали активное участіе въ событіяхъ и наоборотъ ¹⁾.

Два случая душевнаго расстройства подъ вліяніемъ политическихъ событій описаны д-ромъ *Павловской*. Одна больная курсистка 26 л., другая скрипачка, 32 л., еврейка; обѣ, особенно вторая, обременены тяжелой психопатической наследственностью, первая принимала активное участіе въ событіяхъ, вторая—пассивное (еврейскій погромъ въ Кременчугѣ); у первой, по мнѣнію автора, развился истерическій психозъ, у второй—меланхолія. Авторъ примыкаетъ къ взглядамъ *Скляра*, отмѣчая, что приведенные имъ случаи психозовъ, развившихся подъ вліяніемъ общественныхъ событій, наблюдались у лицъ съ патологической наследственностью; неуравновѣшенныхъ, проявились въ формѣ психозовъ (истерическаго и меланхоліи), клиническая форма которыхъ нисколько не отличалась отъ аналогичныхъ психозовъ, вызваннѣмъ другимъ этиологическимъ моментомъ ²⁾.

Въ 1907 году *Павловская* описала еще десять случаевъ душевныхъ заболѣваній, развившихся подъ вліяніемъ политическихъ событій.

¹⁾ *С. Ярошевскій*. Матеріалы къ вопросу о массовыхъ нервно-психическихъ заболѣваніяхъ.—Обзорніе Психіатріи. 1906. № 1.

²⁾ *Л. С. Павловская*. Два случая душевнаго заболѣванія подъ вліяніемъ общественныхъ событій.—Обзорніе Психіатріи. 1906. № 1.

Со стороны этиологической эти случаи представляются слѣдующими:

1. В., 23 л., слушательница курсовъ Лесгафта. Мать истеричная, отецъ и братъ застрѣлились, другой братъ страдалъ душевнымъ разстройствомъ. Увлечение митингами, влюбилась безъ взаимности. 2. Е., 21 г., слушательница курсовъ Лесгафта. Отецъ пьетъ, дядя душевно-больной, мать и два брата душевно-больные. Сама малокровная и нервная. Увлечение политикой, активное участие въ сходкахъ, арестъ двухъ братьевъ. 3. А., 24 л., слушательница высшихъ женскихъ курсовъ. Отецъ пьетъ, сама была слабымъ и капризнымъ ребенкомъ. Увлечение политикой, митингами; влюбилась въ малознакомаго оратора. 4. Т., 20 л., слушательница акушерскихъ курсовъ. Изъ здоровой семьи. Была слабымъ и капризнымъ ребенкомъ. Увлекалась политикой, посѣщала митинги, влюбилась. 5. К., 28 л.; отецъ странный, мать истеричная, сама нервная. Увлечение политикой, арестъ жениха. 6. Т., 27 л.; изъ здоровой семьи, сама малокровная. Занималась политикой, митингами, влюбилась. 7. Л., 16 л., гимназистка; мать истеричная, тетка душевно-больная. Волненія по случаю забастовки; появленіе въ классѣ гимназистовъ, требовавшихъ прекращенія занятій. 8. К., 32 л., сельская учительница. Отецъ умеръ отъ чахотки, у матери періодическій психозъ, сестра истеричная, другая чахоточная. Аграрное движеніе въ деревнѣ. 9. А., 40 л. Отецъ умеръ отъ чахотки, дядя и двоюродный братъ душевно-больные. Сама нервная и впечатлительная. Арестъ, волновалась политическими событіями. 10. Е., 24 л., отецъ умеръ отъ чахотки, мать истеричная. Во время демонстраціи въ Могилевѣ былъ убитъ ея взрослый братъ.

На основаніи изученія своего матеріала *Павловская* дѣлаетъ рядъ выводовъ: 1. Душевное заболѣваніе, вызванное общественными событіями, развивается у лицъ съ патологической наслѣдственностью. 2. Подъ вліяніемъ общественныхъ событій развиваются обычныя формы психозовъ, преимущественно истерическіе психозы и галлюцинаторная паранойя. 3. Заболѣвшіе раздѣляются на двѣ группы: къ одной относятся лица, принимавшія активное участие въ событіяхъ, къ другой — участвовавшія пассивно. 4. Исходъ болѣзней въ первой группѣ благоприятнѣе, чѣмъ во второй, что, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что активное участие въ общественныхъ

событіяхъ принимаютъ люди сравнительно сильныя, молодыя, энергичныя, которые лучше справляются съ болѣзнями. 5. Изъ 12-ти лицъ (принимаются во вниманіе и 2 случая изъ первой работы), заболѣвшихъ подъ вліяніемъ общественныхъ событій, у 7 наблюдался элементъ влюбленности, игравшій важную роль въ этиологіи болѣзни и отражавшійся на ея картинѣ. Этотъ элементъ наблюдался у *всѣхъ* лицъ, принимавшихъ активное участіе въ событіяхъ, что, по мнѣнію автора, представляется не случайнымъ совпаденіемъ, а явленіемъ, имѣющимъ психологическое основаніе: оно объясняется однородностью эмоцій, возникающихъ при активной общественной дѣятельности и при индивидуальной любви; другое возможное объясненіе авторъ видитъ въ истошающемъ вліяніи напряженной общественной дѣятельности, при чемъ повышается половая возбудимость; наконецъ, третье, объясненіе отмѣченнаго явленія авторъ видитъ въ томъ, что лица, принимающія активное участіе въ общественной дѣятельности, обыкновенно думаютъ, что имъ осталось недолго жить личною жизнью, а это представленіе вызываетъ желаніе взять какъ можно больше отъ жизни¹⁾.

Д-ръ *Германъ* придаетъ моральныя, психическія причинамъ существенное значеніе, какъ факторы, подготовляющимъ почву для развитія душевнаго разстройства, а медленно подтачивающимъ нервную систему, а также, какъ факторамъ, очень часто непосредственно вызывающимъ душевную болѣзнь. Послѣдніе годы, переживавшія Россіей, содержали упомянутые факторы въ избыткѣ. Авторъ приводитъ 7 случаевъ душевныхъ заболѣваній, связанныхъ съ аграрнымъ и рабочимъ движеніемъ, наблюдавшихся имъ въ орловской психіатрической больницѣ.

¹⁾ Д. С. Павловская. Нѣсколько случаевъ душевнаго заболѣванія подъ вліяніемъ общественныхъ событій.—Обзорніе Психіатріи. 1907. № 9.

1. К., 23 л., рабочій; среди родственниковъ душевно-больные и алкоголики. Участіе въ стачкѣ, былъ окруженъ казаками. 2. Н., 15 л., отецъ и близкіе родственники душевно-больные и алкоголики. Работалъ въ оружейной мастерской; забастовка. 3. П., 28 л. Ударилъ по головѣ казакъ. Наслѣдственность больной неизвѣстна. 4. П., 60 л. У отца было душевное расстройство, среди родственниковъ есть алкоголики. Физическіе признаки вырожденія. Участіе въ аграрныхъ беспорядкахъ, тюрьма. 5. С., 29 л., продавецъ винной лавки. Признаки вырожденія, наследственность неизвѣстна. Угрозы разгрома винной лавки. 6. Д., 32 л. Физическіе признаки вырожденія. Наслѣдственность неизвѣстна. Участіе въ разгромѣ усадьбы, ударъ нагайкой по головѣ. 7. Ш., 38 л., рабочій. Физическіе признаки вырожденія. Угрозы за нежеланіе примкнуть къ забастовкѣ.

Обращая вниманіе, что участіе въ политическихъ событіяхъ принимала масса людей, а заболѣвали единичныя личности, авторъ отмѣчаетъ физическіе признаки вырожденія у наблюдавшихся имъ больныхъ, свидѣтельствующіе о принадлежности ихъ къ дегенеративнымъ семьямъ и о предрасположеніи къ душевнымъ заболѣваніямъ. Клиническая картина болѣзни напоминаетъ, по мнѣнію автора, *Angstpsychose*. Выводы д-ра *Германа* слѣдующіе: 1. Душевное расстройство наступало у больныхъ скоро послѣ полученія психической травмы. 2. У всѣхъ больныхъ наблюдался сильный страхъ, который сопровождался бредовыми идеями объ ожидаемой опасности, также неминуемой гибели. 3. Бредовыя идеи не имѣли систематизированнаго характера и не были направлены противъ опредѣленныхъ лицъ, больные всюду видѣли для себя опасность. 4. У всѣхъ больныхъ имѣлась тоска и у большинства изъ нихъ зрительныя и слуховыя галлюцинаціи устрашающаго характера. 5. Исходъ болѣзни довольно благоприятный: 4 человѣка изъ 7 выздоровѣло. 6. У всѣхъ больныхъ, кромѣ одной, были физическіе признаки вырожденія¹⁾.

¹⁾ *И. С. Германъ*. О психическомъ расстройствѣ депрессивнаго характера, развившемся у больныхъ на почвѣ переживаемыхъ политическихъ событія.—Журналъ невропатологіи и психіатріи имени С. С. Корсакова. Кн. 3. Стр. 313—324.

Д-ръ *Бернштейнъ*, приступая къ изученію душевныхъ заболѣваній, наблюдавшихся имъ въ Москвѣ въ 1905—1906 г.г., задается тремя вопросами: 1) какъ отразились пережитыя событія на заболѣваемости населенія, увеличилась она, уменьшилась или не измѣнилась. 2) Сказалось ли вліяніе окружающихъ событій на общей массѣ душевно-больныхъ, заболѣвшихъ внѣ всякой зависимости отъ революціи. 3) Создала ли революціонная эпоха свои особыя заболѣванія среди лицъ, особенно пострадавшихъ и особенно потрясенныхъ.

По статистикѣ центрального пріемнаго покоя для душевно-больныхъ оказалось, что за періодъ времени съ 1 октября 1905 г. по 1 февраля 1906 г. туда поступило количество больныхъ столь ничтожно отличающееся отъ количества поступленій предшествующихъ лѣтъ, что разница едва ли превышаетъ допустимыя случайныя колебанія. Домашніе пріемы популярныхъ московскихъ невропатологовъ и психіатровъ за рассматриваемый періодъ времени замѣтно сократились; число душевно-больныхъ пріѣзжихъ, поступившихъ за то же время въ частную лѣчебницу д-ра Тарьяна, абсолютно и относительно превысило количество поступленій въ предшествующіе годы. Въ клиническихъ картинахъ болѣзней авторъ не нашелъ ничего специфическаго, нивакихъ своеобразныхъ симптомовъ, кромѣ нѣкоторыхъ оригинальныхъ бредовыхъ идей да необычныхъ по содержанію или толкованію галлюцинацій; политическая окраска бредовыхъ темъ и образовъ наблюдалась не только у свѣже-заболѣвшихъ и вновь поступившихъ больныхъ, но также и у хрониковъ, черпавшихъ мотивы для своихъ построеній изъ ежедневной прессы и разсказовъ другихъ больныхъ. Все сказанное заставляеть автора притти къ заключенію, что отнесеніе нѣкоторыхъ заболѣваній къ рубрикѣ революціонныхъ не оправдывается дѣйствительнымъ положеніемъ вещей и представляетъ результатъ извѣстнаго рода политическаго увлеченія. Для доказательства правильности своего мнѣнія авторъ сообщаетъ исторію раз-

витія болѣзней въ наблюдавшихся имъ случаяхъ въ томъ видѣ, какъ онѣ передавались самими больными и ихъ родственниками, и въ освѣщеніи данными, добытыми путемъ спеціальныхъ разпросовъ.

1. Г., 35 л., литературный дѣятель, еврей. Заболѣлъ черезъ 4 дня послѣ избіенія охотнорядцами. Страдаетъ циркулярнымъ психозомъ. 2. Ф., 19 л., студентъ. Былъ раненъ въ плечо возлѣ дома Фидлера. Отецъ и двое дядей эпилептики, одна тетка душевно-больная, родился въ асфиксіи, страдалъ до 14 л. припадками ночного ужаса. Заболѣлъ съ февраля 1905 г., затѣмъ послѣдовала ремиссія, смѣнившаяся новымъ обостреніемъ болѣзни. 3. Т., 36 л., позолотчикъ. Былъ раненъ пулей на Тверской. Выяснилось, что хвораеть уже года 2 (Paral. gener. progr.). 4. Ш., 47 л., банковскій служащій. Еще въ 1904 г. два эпилептоидныхъ инсульта. Во время почтово-телеграфной забастовки обостреніе болѣзни (Paral. gener. progr.). 5. К., 35 л., помощникъ начальника товарной станціи. Отецъ алкоголикъ, дядя душевно-больной, у самого съ осени головныя боли, раздражительность, гнѣвливость. Противодѣйствовалъ рѣшеніямъ большинства на сходкахъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, подозрительное отношеніе къ нему во время забастовки. Маниакально-депрессивный психозъ.

Всѣ приведенные случаи касаются рововыхъ болѣзненныхъ процессовъ, не связанныхъ съ психическими воздѣйствіями. Какъ сами больные, такъ и окружающія ихъ лица ставятъ заболѣваніе въ причинную связь съ послѣдними событіями; при этомъ и врачу не легко удержаться на объективной позиціи и выяснить истинную послѣдовательность событий. Во всѣхъ случаяхъ физическая или психическая травма или ихъ совокупность давала толчокъ къ расцвѣту уже существовавшей болѣзни.

Такимъ образомъ; говоритъ *Бернштейнъ*, предположеніе о томъ, что въ революціонныя эпохи заболѣваютъ не здоровые люди, а предрасположенные къ заболѣванію, должно быть, повидимому, еще болѣе ограничено въ томъ смыслѣ, что является болѣзнь у тѣхъ лицъ, которыя уже и раньше были больны, но у которыхъ болѣзнь либо тянулася вяло и неза-

мѣтно, либо протекала въ видѣ отдѣльныхъ періодическихъ вспышекъ. Политическая травма должна быть, повидимому, разсматриваема только какъ проявитель, а не какъ производитель душевной болѣзни, развивающейся и выражающейся согласно своимъ собственнымъ эндогеннымъ законамъ ¹⁾).

Шоломовичъ высказываетъ предположеніе, что попавшій въ литературу клинической матеріалъ далеко не является полнымъ количественнымъ отраженіемъ революціонныхъ психозовъ, имѣвшихъ мѣсто въ дѣйствительности; доказательство правильности такого предположенія авторъ видитъ въ томъ, что по отношенію къ Симбирску ему извѣстно 15—16 случаевъ заболѣванія, между тѣмъ, этотъ городъ замѣчательнъ тѣмъ, что до 2-й Думы въ немъ не было даже уличныхъ демонстрацій, а только митинги и конспиративныя собранія; уличное столкновение было всего одинъ разъ весной 1906 года; авторъ полагаетъ, что въ другихъ центрахъ количество революціонныхъ психозовъ было гораздо большимъ; несомнѣнно, что много больныхъ ускользнуло отъ спеціалистовъ и не было зарегистрировано въ литературѣ; повидимому, много больныхъ, судя по газетнымъ извѣстіямъ, попали въ тюремное заключеніе, а у многихъ душевное расстройство развивалось уже во время пребыванія въ тюрьмѣ.

Авторъ приводитъ 6 случаевъ изъ числа имъ наблюдавшихся.

1. Крестьянинъ, 44 л.; отецъ былъ вспыльчивъ и билъ его по головѣ; самъ алкоголикъ, lues въ анамнезѣ. Душевно-больныхъ и алкоголиковъ въ роднѣ нѣтъ. 10 л. т. наз. у него начались приступы тоски. Агитировалъ среди крестьянъ. 2. Семинаристъ, 21 г. Дѣдъ страдалъ падучей. Мастурбація, злоупотребленіе спиртными напитками. Политическая пропаганда, связанная съ постоянными волненіями. 3. Крестьянинъ, 25 л., слесарь. Отецъ алкоголикъ. Самъ страдалъ сифилисомъ. 4. Слесарь, 22 л.

¹⁾ *А. Н. Берштейнъ*. Психическія заболѣванія зимой 1905—06 г. въ Москвѣ.—Современная Психіатрія. Апрель. 1907.

Въ роднѣ душевно-больныхъ, падучныхъ, пьяницъ не было. Съ дѣтства былъ нервнымъ. Участіе въ забастовкѣ и митингахъ. 5. Сельскій учитель, 44 л. Свѣдѣнія о наслѣдственности недостаточны. Горячее активное участіе въ политикѣ. Злоупотребленіе алкоголемъ иногда. 6. Ученикъ учительской семинаріи, 20 л. Братъ страдалъ травматическимъ психоневрозомъ. Тюремное заключеніе. Родители здоровы, душевно-больныхъ и падучныхъ въ восходящемъ поколѣніи нѣтъ.

Анализируя свои случаи, авторъ приходитъ къ выводу, что вполнѣ хорошая наслѣдственность наблюдалась въ трехъ изъ нихъ, не безусловно благоприятная въ двухъ, въ одномъ она неизвѣстна. Личное расположеніе къ душевнымъ болѣзнямъ наблюдалось почти у всѣхъ больныхъ. Клиническая картина описанныхъ случаевъ вполнѣ укладывается въ рамки современной психіатрической классификаціи и не даетъ основаній для выдѣленія новой клинической формы. Изученіе условій наслѣдственнаго расположенія къ душевнымъ заболѣваніямъ на основаніи литературы и личнаго матеріала заставляетъ автора заключить, что тяжкія условія политической борьбы поражаютъ прежде всего организмы наиболѣе слабыя, склонныя къ заболѣванію душевными болѣзнями, отягощенные лично или наслѣдственно; но въ 25% случаевъ заболѣваніе постигло людей наслѣдственно здоровыхъ. Отсюда вытекаетъ, что политическая борьба, въ которой такъ тѣсно и неразрывно сплетены физическія и психическія причины, тяжело отражающіяся на организмѣ, подрываетъ психическое здоровье и людей, не отягощенныхъ наслѣдственно; изученіе того же матеріала показываетъ, что заболѣваютъ не только активные участники политической борьбы, напротивъ, огромное большинство (около $\frac{2}{3}$) заболѣвшихъ должно быть причислено къ пассивнымъ свидѣтелямъ революціонныхъ событий¹⁾.

¹⁾ А. С. Шоломовичъ. Къ вопросу о душевныхъ заболѣваніяхъ, возникающихъ на почвѣ политическихъ событій.—Русскій Врачъ. 1907. № 21.

Д-ръ *Гадзяцкій* причисляетъ внутреннія политическія волненія къ факторамъ, разрушающимъ народное здравіе. Приводя литературу вопроса о политическихъ психозахъ, онъ выражаетъ сомнѣніе по поводу заявленія *Рыбакова* о большей частотѣ заболѣваній среди пассивныхъ участниковъ политическихъ событій по сравненію съ активными, а также и по поводу даваемого *Рыбаковымъ* предположительнаго объясненія этого явленія, какъ не обоснованнаго и не доказаннаго фактически. Остановливаясь на статьяхъ д-ра *Павловской*, *Гадзяцкій* обращаетъ вниманіе на отмѣченную авторомъ поголовную влюбленность наблюдавшихся ею активныхъ участницъ политическихъ событій; анализируя даваемыя *Павловской* объясненія этого наблюденія, *Гадзяцкій* высказываетъ мысль, что уже одно обиліе этихъ объясненій (три) доказываетъ ихъ несостоятельность; не останавливаясь на первомъ изъ нихъ (вліяніе однородности эмоцій), авторъ полагаетъ, что второе (истощающее вліяніе напряженной общественной дѣятельности, вызывающее повышеніе половой возбудимости) не вполне согласуется съ физиологіей и отчасти противорѣчитъ утвержденію самого автора (*Павловской*), что это были молодыя, сильныя и энергичныя лица; по поводу третьяго объясненія (желаніе взять отъ личной жизни какъ можно больше) авторъ замѣчаетъ, что любовь, къ сожалѣнію, вовсе не сообразуется съ желаніями людей, а часто является и исчезаетъ даже вопреки имъ.

Гадзяцкій приводитъ два случая душевнаго разстройства изъ своихъ наблюденій.

1. Унтеръ-офицеръ. Указаній на наследственность и другіе этиологическіе моменты нѣтъ; есть указанія на бывшія раньше нѣкоторыя странности. Объявленіе ему смертнаго приговора.
2. Солдатъ. Хроническій алкоголизмъ отца, у самого небольшое злоупотребленіе спиртными напитками. Нападеніе на поѣздъ, въ которомъ онъ сопровождалъ почту.

Отмѣчая, что при годичномъ поступленіи до 300 больныхъ ему пришлось наблюдать всего 2 случая душевнаго заблѣванія, развившагося подѣ влияніемъ политическихъ событій, авторъ объясняетъ это тѣмъ, что военная среда, состоящая почти исключительно изъ людей молодыхъ и отборныхъ въ смыслѣ физической и душевной крѣпости, является не особенно благопріятной почвой для развитія душевныхъ болѣзней. Авторъ обращаетъ вниманіе на отраженіе текущихъ событій на бредѣ больныхъ вообще.

Приступая къ выясненію сущности влиянія политическихъ событій на нервно-психическую сферу, авторъ полагаетъ, что влияніе это весьма сложно, что здѣсь дѣйствуетъ не одна причина, а сплетеніе разнообразныхъ моментовъ и условій, какъ психическаго, такъ и физическаго свойства, мѣняющихся въ различныхъ случаяхъ.

Въ заключеніе авторъ говоритъ, что хотя въ политическихъ движеніяхъ нерѣдко и, быть можетъ, главнымъ образомъ принимаютъ участіе лица неуравновѣшенныя, съ неблагопріятной наслѣдственностью и расшатанной нервной системой, отмѣченныя физическими и психическими признаками вырожденія, и на нихъ скорѣе и гибельнѣе всего отражается вся совокупность вредныхъ для психическаго здоровья условій революціоннаго времени, — но несомнѣнно, что многіе изъ нихъ въ нормальной обстановкѣ всю жизнь остались бы душевно-здоровыми и могли бы даже быть очень полезными и выдающимися членами общества¹⁾.

Въ томъ же 1908 году появилась работа проф. В. Ф. Чижана о значеніи политической жизни въ этиологіи душевныхъ болѣзней. Авторъ начинаетъ съ заявленія, что до сихъ поръ не опровергнутъ тезисъ *Pinel'*, что съ развитіемъ ци-

¹⁾ Ф. Х. Гадзяцкий. Душевные разстройства въ связи съ политическими событіями въ Россіи. — Военно-Медицинскій журналъ. 1908. Сентябрь. Стр. 89—99.

вилізаціи увеличивается число душевно-больныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выражаетъ удивленіе, что вліяніе цивилизаціи на наростаніе числа душевно-больныхъ понято неправильно; по мнѣнію *Чижса*, большое развитіе промышленности, искусствъ и наукъ, тяжелыя условія жизни и различные соблазны, переходное время никакого вліянія на увеличеніе числа душевно-больныхъ не имѣютъ и имѣть не могутъ; дѣло въ томъ, что съ ростомъ цивилизаціи падаетъ дѣтская смертность, а потому остаются въ живыхъ слабѣе, слѣдовательно, и душевно-больные, чѣмъ вполнѣ объясняется наростаніе числа душевно-больныхъ параллельно росту цивилизаціи, а также и политической свободы, растущей параллельно цивилизаціи. Никто однако не доказалъ, что стѣсненіе или ограниченіе политической свободы гдѣ-либо увеличило число душевно-больныхъ; какъ ни слабо у насъ разработана статистика, все же такой поразительный фактъ, какъ быстро проявившееся наростаніе числа душевно-больныхъ, не могъ быть не замѣченнымъ и врачами, и администраціей, и публикой; но никто еще не только не доказалъ такого факта, а даже и не указалъ на него. Недостаточность политической свободы угнетаетъ лишь очень ограниченное число лицъ, эти лучшія и наиболѣе мощныя духовно лица, конечно, не могутъ заболѣвать психически оттого, что ихъ желанія не осуществляются, что имъ приходится страдать въ борьбѣ за свои убѣжденія. Къ борьбѣ за политическую свободу, какъ и ко всякому общественному движенію, примыкаютъ всегда и всюду, конечно, и у насъ, психопаты, неуравновѣшенные и вообще лица, предрасположенныя къ заболѣванію душевными и нервными болѣзнями. Когда такія лица находятся на виду, то при заболѣваніи ихъ получается впечатлѣніе увеличенія числа заболѣваній. Конечно, и у насъ было нѣсколько случаевъ заболѣванія душевными болѣзнями во время политической борьбы наслѣдственно предрасположенныхъ къ помѣшательству революціонеровъ.

Съ большимъ скептицизмомъ авторъ относится къ заявленію *В. И. Яковенко*, что къ здоровымъ новаторскимъ теченіямъ въ обществѣ чаще всего присоединяются неврастеники, истерики и вообще неуравновѣшенные, къ консервативному же теченію обыкновенно примыкають врожденно-слабоумные, съ старческимъ слабоуміемъ, эпилептики и дегенеранты съ дефектами нравственного или полового чувства; также *Чижъ* протестуетъ противъ заявленія *Яковенко*, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, повидимому, въ роли исполнителей (анормальныхъ рѣшеній власти) были страдавшіе прогрессивнымъ параличомъ въ его начальной стадіи ¹⁾. Психіатръ не можетъ, говорить *Чижъ*, не удивляться смѣлости подобнаго утвержденія; кто же не знаетъ, что между офицерами и полицейскими чиновниками нѣтъ врожденно-слабоумныхъ; если бы они были, то карательныя экспедиціи не возстановили бы такъ быстро порядокъ въ Прибалтійскомъ краѣ; авторъ не наблюдалъ ни одного заболѣванія душевными болѣзнями ни между руководителями, ни между участниками карательныхъ экспедицій и не слышалъ ни объ одномъ такомъ случаѣ. Опровергая заявленія *Яковенки*, *Чижъ* перечисляетъ наблюдавшіяся имъ заболѣванія лицъ, присоединившихся „къ здоровымъ новаторскимъ теченіямъ“; это были случаи: *dementia praecox*, *dementia paranoides*, *paranoia chronica*, *hysteria*, *degeneratio*, *alcoholismus*, *epilepsia*, *lues cerebri*; если, заканчиваетъ авторъ свои возраженія по адресу *Яковенки*, намъ придется пережить бѣлый терроръ, мы будемъ наблюдать между руководителями и участниками этого движенія не мало психопатовъ и душевно-больныхъ; между усмирителями и этого террора не будетъ ни психопатовъ, ни душевно-больныхъ.

¹⁾ *В. И. Яковенко*. Здоровья и болѣзненные проявленія въ психикѣ современнаго русскаго общества.—Журналъ общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. 1907. № 4. Стр. 282, 285.

Обращаясь къ нѣкоторымъ работамъ по разсматриваемому вопросу, *Чижъ* отмѣчаетъ чрезмѣрную краткость исторій болѣзни, приводимыхъ *Ярошевскимъ*, вслѣдствіе которой рѣшительно невозможно установить связь между политическими волненіями и психическими заболѣваніями. *Павловская*, хотя и достаточно подробно излагаетъ исторію болѣзни, но приходитъ къ заключенію, стоящему въ явномъ несоотвѣтствіи съ изложенными ею фактами: обѣ больныя д-ра *Павловской* (авторъ имѣетъ въ виду первую работу *Павловской*) были безспорно больны ранѣе, чѣмъ на нихъ повліяли политическія событія.

Авторъ приводитъ рядъ случаевъ изъ своего клиническаго матеріала:

Въ одномъ изъ нихъ дѣло шло о политическомъ чиновникѣ, симулировавшемъ душевное заболѣваніе изъ страха передъ революціонерами; въ другомъ—больная, страдавшая климактерической меланхоліей, увѣряла, что она заболѣла отъ испуга.

Политическія волненія создали причину болѣзни въ двухъ случаяхъ проф. *Чижа*:

1. Урядникъ, 32 л. Пользовался прекраснымъ здоровьемъ, заболѣлъ отъ жестокаго обращенія революціонеровъ, которые избили его до потери сознанія, приговорили къ смертной казни и не кормили нѣсколько дней. 2. Священникъ, 43 л. Неожиданное нападеніе, при чемъ ему обрѣзали бороду и волосы и избили до потери сознанія. 3. Третій случай, въ которомъ пьяная толпа избила полицейскаго чиновника, авторъ сюда не причисляетъ, такъ какъ нападенія пьяной толпы на чиновъ полиціи бывають и въ мирное время.

Два пациента приписывали свое заболѣваніе политическимъ волненіямъ неправильно:

1. Студентъ, 23 л. Испугался проходившей мимо толпы манифестантовъ; никакого участія въ политическомъ движеніи не принималъ. Дѣло идетъ, видимо, о періодической меланхоліи. 2. Юноша 18 л. Испугался на площади «хулигановъ». Съ дѣтства страдаетъ, повидимому, тяжелой истеріей.

Еще авторъ упоминаетъ объ одномъ инженерѣ 36 л., который почувствовалъ слабость въ ногахъ, узнавъ о забастовкѣ въ мастерской; впоследствии выяснилось, что у него развивалось органическое болѣваніе спинного мозга.

Въ результатѣ проф. *Чижевъ* приходитъ къ выводу, что его наблюденія даютъ право утверждать, что политическія волненія не имѣютъ никакого вліянія ни на число, ни на теченіе душевныхъ и нервныхъ болѣзней, если, конечно, не считать пораненій, произведенныхъ преступниками. Авторъ совершенно согласенъ съ взглядомъ *Бернштейна*, что вопросъ о сильныхъ душевныхъ волненіяхъ, какъ причинѣ душевныхъ заболѣваній, слѣдуетъ считать сданнымъ въ архивъ ¹⁾.

Послѣдняя по времени работа о революціонныхъ психозахъ принадлежитъ проф. *Мухину*. Передавая литературу предмета, авторъ обращаетъ вниманіе на произвольный характеръ объясненія *Рыбаковымъ* отмѣченного имъ „факта“ болшей заболѣваемости пассивныхъ участниковъ революціоннаго движенія, при чемъ совершенно упускаетъ изъ вида обычно наблюдаемое въ жизни отношеніе числа активныхъ участниковъ движенія къ числу простыхъ его свидѣтелей. Авторъ отмѣчаетъ также своеобразность „гипотезъ“ *Павловской*, предлагаемыхъ ею для объясненія „элемента влюбленности“ у ея больныхъ; онъ выражаетъ сомнѣніе въ точности наблюденій, для объясненія которыхъ приходится прибѣгать къ такимъ „гипотезамъ“, по поводу же самаго „элемента влюбленности“ высказываетъ предположеніе, что д-ръ *Павловская* очевидно временно упустила изъ вида, что преобладаніе этого „элемента“ у душевно-больныхъ женщинъ встрѣчается далеко не только въ революціонные періоды.

Оцѣнивая характеръ и содержаніе цитируемыхъ имъ работъ, *Мухинъ* высказываетъ мнѣніе, что врачи-психіатры

¹⁾ В. Ф. *Чижевъ*. Значеніе политической жизни въ этиологіи душевныхъ болѣзней.—Обзорніе Психіатріи. 1908. № 1, 3. Стр. 1—12, 149—162.

изучали развертывавшуюся передъ ихъ глазами картину общественныхъ событій съ внушенной событіями и несомѣнно предвзятой точки зрѣнія. На основаніи изученія литературы предмета, откинувъ предвзятыя точки зрѣнія, авторъ приходитъ къ заключенію, что революціонныя событія не увеличиваютъ замѣтно числа душевныхъ заболѣваній, не порождаютъ никакихъ особенныхъ формъ душевнаго расстройства, не кладутъ никакого особаго отпечатка на клиническіе симптомы (если не считать встрѣчающейся иногда специфической формы бреда) и теченіе болѣзни и не могутъ служить сами по себѣ причиной душевныхъ расстройствъ. Это заключеніе авторъ подтверждаетъ десятью исторіями болѣзни, замѣствованными имъ, преимущественно, изъ матеріала Уздовскаго военнаго госпиталя.

1. К., 49 л., жен. Ученый. За 10 л. lues. Отступленія отъ нормы въ самомъ началѣ движенія, въ которомъ онъ принималъ активное участіе. Маниакально-депрессивный психозъ, осложнившійся специфическимъ (?) поражениемъ мозга. 2. Л., прапорщикъ запаса, 36 л. Съ дѣтства странности, перенесъ душевное расстройство. *Dementia paranoidea*. 3. М., полицейскій офицеръ, 44 л. Рѣзаная рана темени и ушибленная за лѣвымъ ухомъ. *Dementia paralytica*. 4. Н., полицейскій офицеръ, 38 л. Рана револьверной пулей въ шею, зажившая. *Psychosis neurasthenica*. 5. О., рядовой, 27 л. Приговоренъ въ дисциплинарный баталіонъ за возбужденіе противъ распорядка начальства. *Hysteria gravis*. 6. П., рядовой, 26 л. Боленъ съ дѣтства. Отбывалъ наказаніе въ дисциплинарномъ баталіонѣ. Душевное расстройство дегенеративно-эпилептического характера. 7. Р., старшій унтеръ-офицеръ. Подалъ начальству рапортъ съ отказомъ убивать людей на улицахъ. *Paranoia*. 8. С., рядовой, 27 л., бывшій официантъ. Осужденъ въ дисциплинарный баталіонъ за агитацію въ войскахъ. *Hystero-neurasthenia*. 9. Т., унтеръ-офицеръ, 24 л. Отецъ алкоголикъ. За 6 мѣс. воспаленіе легкихъ. Охранная служба въ Варшавѣ. *Dementia paranoidea*. 10. У., рядовой, 27 л. Приговоренъ въ дисциплинарный баталіонъ за неисполненіе приказаній, неотданіе чести и площадную брань по адресу начальства. *Neurasthenia gravis. Alcoholismus chronicus*.

Авторъ отмѣчаетъ частоту острыхъ и кратковременныхъ дегенеративныхъ душевныхъ расстройствъ; въ этомъ заклю-

чается своеобразность отпечатка, накладываемого революціонными событиями на картины и теченіе возникающихъ при нихъ душевныхъ болѣзней; чаще развиваются истерическія, эпилептическія и травматическія душевныя разстройства, что понятно при сравнительной частотѣ въ эти періоды психическихъ травмъ. Всѣ другія формы душевныхъ болѣзней самыя обыденныя.

Причиной болѣзни въ случаяхъ автора служила чаще всего невротическая наслѣдственность. Правда, говоритъ авторъ, острыя душевныя разстройства дегенератовъ возникли подъ вліяніемъ душевныхъ волненій, но ясно, что послѣднія сравнительно съ патологической наслѣдственностью играли въ ихъ происхожденіи совершенно второстепенную роль.

Принимая во вниманіе литературу предмета и свой матеріалъ, авторъ продолжаетъ выводы: вѣроятно, что революція вызываетъ нѣкоторое увеличеніе числа душевныхъ болѣзней населенія, но оно, очевидно, такъ мало, что при обычныхъ условіяхъ наблюденія не обнаруживается; такого увеличенія слѣдовало бы ожидать на основаніи сравнительной частоты въ революціонные періоды переходящихъ душевныхъ разстройствъ дегенератовъ. Никакихъ революціонныхъ психозовъ въ собственномъ значеніи этого слова не существуетъ. Единственная окраска психозовъ, налагаемая массовыми волненіями, имѣетъ случайный характеръ и заключается въ томъ, что *иногда* обманы чувствъ и бредовыя идеи больныхъ берутъ свое содержаніе изъ событий революціи. Эта особенность наблюдается не только у больныхъ, принимавшихъ участіе въ событіяхъ, но ничуть не менѣе рѣдко и у такихъ субъектовъ, которые заболѣли внѣ всякой связи съ ними. Съ другой стороны, у заболѣвшихъ подъ вліяніемъ революціи обманы чувствъ и бредъ не имѣютъ сплошь и рядомъ никакого отношенія къ пережитымъ событіямъ. Сильныя душевныя чувства, переживаніе которыхъ неизбѣжно для участниковъ революціонныхъ актовъ, несомнѣнно способны давать ближайшій толчокъ для

развитія психозъ, но *никогда* не способны вызвать его самостоятельно. Душевнымъ волненіямъ слѣдуетъ отвести совершенно второстепенную роль въ происхожденіи душевныхъ болѣзней во время революціонныхъ событій.

Попутно проф. *Мухинъ* касается вопроса о болѣзнетворномъ вліяніи душевныхъ волненій на организмъ вообще и приходитъ къ выводу, что измѣненія, наступающія подъ вліяніемъ душевныхъ волненій, какъ бы сильны послѣднія ни были, въ функціяхъ *здороваго* челоуѣческаго организма никогда не выходятъ изъ рамокъ фізіологіи. Душевные волненія несомнѣнно принадлежать къ причинамъ болѣзней, но ихъ значеніе второстепенное, требующее извѣстнаго предрасположенія, подобно значенію „простуды“, дѣйствующей совмѣстно съ другой причиной. Душевные волненія сами по себѣ, какъ бы сильны они ни были и какимъ бы чувственнымъ тономъ ни сопровождались, никогда не вызываютъ болѣзни. Такое же значеніе душевные волненія имѣютъ и въ психіатріи ¹⁾.

II.

Изъ приведенной нами литературы видно, что вопросъ о т. наз. политическихъ или революціонныхъ психозахъ еще не разрѣшенъ окончательно, что авторами, интересовавшимися изученіемъ вопроса, внесено въ него не мало противорѣчій; авторы далеко не единодушны въ высказываемыхъ ими взглядахъ на происхожденіе, развитіе и клиническую картину революціоннаго психоза.

Что слѣдуетъ подразумѣвать подъ названіемъ политическаго психоза? По мнѣнію д-ра *Рыбакова* сюда относятся тѣ случаи душевнаго разстройства, въ которыхъ между душевнымъ разстройствомъ и текущими политическими событіями

¹⁾ *Н. М. Мухинъ*. Психозы войны и революціи.—Варшавскія Университетскія Извѣстія. 1909. VII. Стр. 1—48.

можно установить тѣсную органическую связь, въ которыхъ совершающіяся событія и связанная съ ними психическая рана служили главной вызывающей причиной душевнаго разстройства. Противъ этого опредѣленія понятія о политическомъ психозѣ возраженій въ литературѣ не встрѣчается, да и врядъ ли могутъ быть представлены существенныя возраженія. Выражаясь кратко, политическій или революціонный психозъ есть *понятіе этиологическое*; поэтому, если мы можемъ допустить этиологическую связь между революціонными событіями и развитіемъ } душевнаго разстройства, этимъ самымъ мы приобретаемъ право говорить о революціонныхъ психозахъ, указывая этимъ ихъ этиологію, но пока отнюдь не касаясь ихъ клинической картины.

Изъ представленной литературы видно, что нѣкоторые авторы, особенно *Рыбаковъ*, пытались дополнить и расширить этиологическое понятіе о политическомъ психозѣ его клинической характеристикой; если бы *Рыбаковъ* въ этомъ направленіи оказался правымъ, если бы можно было признать, что политическій психозъ является заболѣваніемъ *suī generis*, то мы приобрѣли бы право сказать, что политическій психозъ есть *понятіе клиническое*. Однако по этому пункту въ литературѣ высказано не меньше, чѣмъ по первому, т. е., по вопросу о томъ, могутъ ли революціонныя событія явиться прямой причиной развитія душевнаго разстройства.

Въ 1906 году нами была посвящена, по просьбѣ слушателей, одна изъ лекцій выясненію понятія о политическомъ психозѣ и изложенію нашихъ взглядовъ на этотъ вопросъ; эта лекція не появлялась въ печати, такъ какъ мы разсчитывали, что съ накопленіемъ и изученіемъ соответствующаго клиническаго матеріала наши взгляды могутъ въ томъ или иномъ направленіи укрѣпиться или измѣниться. Въ настоящее же время, когда волновавшія общество событія отодвигаются все дальше и дальше, наступило время спокойно въ нихъ разобраться и оцѣнить ихъ значеніе.

Для того, чтобы наше отношеніе къ вопросу о политических психозахъ не явилось голословнымъ, мы сначала приведемъ въ краткомъ изложеніи нѣсколько изъ наблюдавшихся нами различныхъ категорій случаевъ душевнаго расстройства, которое можно относить къ политическимъ психозамъ. Эти случаи частью наблюдались нами въ частной практикѣ, частью служили матеріаломъ для нашихъ клиническихъ лекцій.

I. А., 51 г., профессоръ, занимающій въ то же время крупное положеніе въ одномъ правительственномъ учрежденіи, связанное съ извѣстной отвѣтственностью; обратился ко мнѣ за помощью 23 декабря 1905 года. Начало своего заболѣванія относитъ ко времени, послѣдовавшему за издашемъ манифеста 17 октября: имъ овладѣло безпокойство по поводу правильности своихъ поступковъ въ качествѣ начальника, имѣющаго много подчиненныхъ, и въ качествѣ профессора; онъ не зналъ, какъ онъ долженъ дѣйствовать—въ духѣ ли манифеста или въ духѣ стараго, хотя и противорѣчившаго манифесту, но не отмѣннаго закона. Безпокойство достигло значительной степени и привело къ бессонницѣ. А. по своей должности могъ очутиться въ положеніи, когда ему пришлось бы, хотя и временно, пріять на себя исполненіе обязанностей губернатора; послѣдній хвораль, вслѣдствіе чего А. дѣйствительно угрожала обязанность, которой онъ боялся; это усилило его тревогу, у него пропала аппетитъ, онъ почти пересталъ заниматься своими дѣлами. 9 декабря произошли особенно крупныя манифестаціи—толпы народа съ флагами ходили по улицамъ, пѣли, устраивались митинги, произносились рѣчи; броженіе замѣчалось и въ средѣ подчиненныхъ ему лицъ; до него дошелъ слухъ, что подчиненные собираются просить у него разрѣшенія на устройство митинга; этого онъ не такъ боялся, такъ какъ отношенія со служащими у него были хорошія, но ему начали рисоваться картины, что къ нему придутъ за разрѣшеніемъ на устройство митинга въ помѣщеніи завѣдуемаго имъ учрежденія партійные представители: если онъ откажетъ, онъ поступитъ по закону, но навлечетъ на себя и на свою семью гнѣвъ и преслѣдованіе со стороны крайнихъ партій; если онъ согласится,

станетъ очевиднымъ, что онъ сочувствуетъ революціи, а это навлечетъ на него преслѣдованія со стороны черносотенцевъ. Страхъ преслѣдованія со стороны тѣхъ или другихъ овладѣлъ А.; чтобы защитить себя и семью отъ возможнаго нападенія, онъ потихоньку отъ семьи ушелъ изъ дома на нанятую имъ новую квартиру, нанялъ себѣ человѣка для охраны и еще разъ перемѣнилъ квартиру; ничто не помогало, имъ овладѣли тоска и отчаяніе, онъ вернулся къ женѣ, а та привезла его ко мнѣ. Объективно можно было отмѣтить утомленный видъ больного, умѣренный склерозъ сосудовъ, общее повышеніе сухожильныхъ рефлексовъ, дермографизмъ. Жалуется на тоску, угнетенъ, говоритъ тихимъ, подавленнымъ голосомъ, ни о чемъ, кромѣ волнующихъ его обстоятельствъ, не разговариваетъ. Никогда душевнымъ заболѣваніемъ не страдалъ; вина не пьетъ, lies отрицаетъ. Занимая двѣ отвѣтственныхъ должности, переутомлялся работою. Родители и родственники душевно здоровы. Назначенное лѣченіе, м. б., еще при другой обстановкѣ новаго города, произвело хорошее дѣйствіе на больного и черезъ 3 дня онъ явился ко мнѣ въ замѣтно лучшемъ состояніи самочувствія; поэтому мои уговоры поступить на время въ лѣчебницу остались безрезультатными. Затѣмъ больной временно исчезъ изъ-подъ наблюденія и явился ко мнѣ лишь 21 февраля 1906 года. Здоровье его начало-было улучшаться и колебалось то въ ту, то въ другую сторону, но въ послѣднее время онъ получалъ изъ своего города много неприятныхъ извѣстій, ему кажется, что онъ все дѣлаетъ не такъ, что онъ подвергнется большой отвѣтственности. Нѣсколько дней тому назадъ тоска овладѣла имъ настолько, что онъ сдѣлалъ попытку перерѣзать себѣ сонную артерію, но только поцарапалъ шею. На этотъ разъ больного помѣстили въ лѣчебницу, но черезъ нѣсколько дней взяли оттуда и увезли за границу. Черезъ нѣкоторое время я имѣлъ довольно утѣшительныя свѣдѣнія о состояніи его здоровья, а затѣмъ потерялъ его изъ вида, и дальнѣйшая его судьба осталась мнѣ неизвѣстной.

П. Б., дѣвица 36 л., уже давно служитъ въ одномъ частномъ обществѣ. Былъ приглашенъ къ ней сестрой 20 января 1905 года по поводу развившагося у нея душевнаго расстройства; мнѣ было передано, что наканунѣ, т. е. 19 января, на больную, когда она возвращалась домой со службы,

наѣхалъ эскадронъ кавалеріи; хотя она и не пострадала физически, такъ какъ ее во время отвели въ сторону, но страшно испугалась, вернулась домой, вся дрожа отъ страха и волненія, была возбуждена, высказывала бредовыя идеи; всю ночь не спала. Психодвигательное возбужденіе, хотя въ умѣренной степени, продолжалось и при моемъ посѣщеніи; больная недостаточно ориентировалась въ окружающемъ, невпопадъ отвѣчала на вопросы, волновалась; говорила, что въ ея квартирѣ находится чортъ и что она боится туда идти; видѣла чорта на крышѣ, видѣла, какъ изъ оконъ противоположнаго флигеля подавались какіе-то сигналы; увѣряетъ, что она невинная дѣвица и съ мужчинами не жила; второй день ничего не ѣсть.

Физическое изслѣдованіе показало: Б. средняго роста, худощавая, блѣдная особа, плохо упитана; выраженный прогнатизмъ, объемъ черепной коробки замѣтно ниже нормы; общее повышеніе сухожильныхъ рефлексовъ. У матери было два апоплектическихъ инсульта; сестра неуравновѣшенная особа, покушавшаяся однажды на самоубійство, но съ развитымъ интеллектомъ, одинъ братъ неудачникъ, съ выраженнымъ эгоистическимъ характеромъ. Б. медленно развивалась въ дѣтствѣ; хорошо пишетъ красками, но больше копируетъ, нѣтъ оригинальнаго творчества.

При дальнѣйшемъ знакомствѣ съ больной и разспросѣ ея родственниковъ выяснилось слѣдующее: годъ т. наз. она подверглась гинекологической операціи по поводу полиповъ матки; будучи вообще нервной и мнительной особой, она вскорѣ послѣ операціи стала обнаруживать педозрительность по отношенію къ окружающимъ, особенно сослуживцамъ: ей казалось, что они считаютъ ее зараженной, что отъ нея дурно пахнетъ, объ этомъ они переговариваются и даютъ ей знать намеками и жестами; устраиваютъ объ ней совѣщанія. Эти бредовыя идеи Б. старалась скрывать, продолжала служить, аккуратно исполняя свои обязанности до 19 января, когда подъ вліяніемъ испуга ея психическое расстройство, начавшееся задолго и постепенно развивавшееся, рѣзко обострилось.

Въ дальнѣйшемъ теченіи болѣзни сначала наблюдалось нѣкоторое успокоеніе и улучшеніе симптомовъ, но скоро они вернулись и продолжали развиваться далѣе. Одна не хочетъ

никуда идти, боится также оставаться одна въ квартирѣ, такъ какъ нѣсколько дней т. наз. возвращаясь домой, слышала, какъ дворникъ сказалъ кому-то на ея лѣстницѣ: „квартира такая, что хоть задуши—никто не услышитъ“. Бѣтъ мало, боясь отравленія. Временами возбужденіе и страхъ. Просить объяснить ей, такъ какъ сама она ничего не понимаетъ, что дѣлается. Мужъ сестры ее хлороформируетъ, шепотомъ сообщилъ ей, что желаетъ отъ нея избавиться; ночью со страхомъ искала подъ кроватью; высказываетъ опасеніе, какъ бы ея враги въ правленіи вмѣстѣ съ мужемъ сестры не стали вредить ея роднымъ, особенно сестрѣ. Временами озлобленіе противъ окружающихъ. Галлюцинаціи и бредъ развиваются все сильнѣе, все окружающее истолковывается соборно галлюцинаціямъ, почти непрерывающимся, и входятъ въ составъ бредовыхъ идей, въ общемъ не образующихъ связанной бредовой системы. Ее продаютъ, собираются убить, сообщаютъ различныя свѣдѣнія черезъ трубу, роютъ для нея могилу за стѣной, по ночамъ ей трогаютъ половые органы и шепчутъ на ухо разныя мерзости, переставляютъ всѣ ея вещи, подмѣшиваютъ и подбалтываютъ къ пицѣ разныя вредныя примѣси, черезъ потолокъ ее гипнотизируютъ. Затыкаетъ уши ватой, увѣряя, что такъ ее меньше беспокоятъ голоса. Принимаетъ однихъ людей за другихъ. Ей вкладываютъ въ голову слова и мысли. Написала въ окружный судъ прошеніе, въ которомъ обвиняетъ всѣхъ и требуетъ ихъ привлеченія и наказанія. Больная была небезопасна для окружающихъ, и два раза ее пришлось на время помѣщать въ лѣчебницу, откуда родные брали ее при первой возможности. Заболѣваніе приняло хроническое теченіе, перешло въ неизлѣчимое состояніе. Первые 1½ года болѣзни мнѣ пришлось видѣть и наблюдать больную очень часто; затѣмъ 1—2 раза въ годъ; послѣдній разъ я видѣлъ больную въ концѣ іюля 1908 года. Б. содержалась дома; слуховыя галлюцинаціи продолжаютъ все время, но больная на нихъ вяло реагируетъ; окружающихъ не узнаетъ; неопытна, замѣтно истощена.

III. С., казанскій мѣщанинъ, работаетъ въ паримахерской; окончилъ низшую школу. Отецъ алкоголикъ, умеръ отъ туберкулеза.

Первый разъ поступилъ въ Казанскую Окружную лѣчебницу въ апрѣлѣ 1906 г., въ состояніи остраго душевнаго

разстройства; по свидѣніямъ. полученнымъ отъ врачей лѣчебницы, больной находился въ крайне угнетенномъ, подавленномъ настроеніи, на вопросы не отвѣчалъ, но и бреда не высказывалъ; такъ продолжалось до іюня, когда здоровье С. начало улучшаться и возстановлялось настолько быстро, что въ іюлѣ больной былъ уже выписанъ изъ лѣчебницы.

Намъ пришлось познакомиться съ больнымъ и наблюдать его при второмъ его поступленіи въ лѣчебницу 16 января 1907 года. При поступленіи сильное психодвигательное возбужденіе, много говорить, жестикулируя, размахивая руками; рѣчь довольно отрывочная и безсвязная; принимаетъ величественныя, театральныя позы, кричить, поетъ, форсируя свой голосъ, отрывки изъ оперныхъ арій, хвастаетъ своимъ замѣчательнымъ голосомъ, говорить безъ умолка объ оперѣ, пѣвцахъ, пѣніи. Плохо ѣсть и спать. На другой день къ вечеру, совершенно потерявъ голосъ, временами затихаетъ; сознание, спутанное наканунѣ въ значительной степени, проясняется, хотя и неполно. Съ гнѣвнымъ аффектомъ вспоминаетъ обстоятельства своего поступленія въ лѣчебницу: „я ей говорилъ, полиціи, почему никто не смотритъ за ней (?), чего приставъ дѣлаетъ, я отъ полиціи съ ума сошелъ, я буду хлопотать, свидѣтелей докажу всѣхъ, я просидѣлъ въ части, говорю,—почему берете? я не что-нибудь, не хулиганъ, я рабочій, дамамъ всякія волосяныя издѣлія дѣлаю; меня отпустили, а я и пошелъ все бить у К. (хозяинъ парикмахерской), маленько умомъ помѣшался“. На вопросъ о причинахъ хрипоты сообщаетъ, что онъ все поетъ, всѣ оперы знаетъ; „голосъ у меня хорошій, баритонъ, хотите спую?“ Безъ всякаго приглашенія становится въ театральную позу и, закрывъ глаза, начинаетъ кричать оглушительнымъ голосомъ: куда, куда, куда вы удалились...., затѣмъ переходитъ на арію: я тотъ, которому внимала...., и, не закончивъ аріи, поетъ изъ „Пиковой Дамы“. Во время пѣнія ритмически толкаетъ гортань, захвативъ ее пальцами, чѣмъ вызываетъ вибраціи голоса. Видимо, доволенъ собой.

Состояніе общаго питанія среднее, слизистыя оболочки блѣдны; дѣятельность сердца учащенная. Общее повышеніе сухожильныхъ рефлексовъ. Изслѣдованію поддается, но не можетъ сосредоточить вниманіе ни сколько-нибудь продолжительное время, не сидитъ на мѣстѣ, въ разговорѣ перескаки-

ваетъ съ предмета на предметъ, забываетъ отвѣчать на вопросы; стремится оставаться безъ платья. Описанное состояніе большого продолжалось съ небольшими колебаніями до конца февраля, затѣмъ постепенно смѣнилось противоположнымъ состояніемъ—вялостью и угнетеніемъ. Когда большой выздоравливалъ отъ приступа своего душевнаго разстройства, на разспросы онъ объяснилъ, что въ 1905—06 годахъ очень интересовался политикой, рабочимъ движеніемъ, митингами, въ которыхъ даже принималъ участіе въ качествѣ оратора передъ первымъ заболѣваніемъ; вступалъ въ конфликты съ полиціей. Къ концу апрѣля состояніе здоровья большого настолько улучшилось, что 25 апрѣля онъ былъ выписанъ изъ лѣчебницы.

Два раза С. послѣ выписки былъ помѣщаемъ въ лѣчебницу на 3—4 дня въ состояніи сильнаго опьяненія.

21 августа 1908 года С. снова былъ доставленъ въ лѣчебницу въ состояніи психодвигательнаго возбужденія; при этомъ онъ заявилъ, что недѣлю т. наз. его выпустили изъ тюрьмы, и онъ началъ сильно пить. Какъ выяснилось, арестовали С. за его участіе въ митингахъ по подозрѣнію въ революціонной дѣятельности.

Психодвигательное возбужденіе приблизительно такого же характера, какъ въ предшествующій разъ; распухень, болтливъ, хвастаетъ, все время пользуется такими выраженіями, какъ „республика, президентія, буржуазія, рука вверхъ“.... „...мы за народъ, чиновниковъ изобьемъ, будемъ бросать бомбы, ограбимъ, а деньги пропьемъ...“ По-прежнему кричитъ и поетъ до хрипоты; настроеніе повышенное, сознание ясное; пристаётъ къ больнымъ, заявляетъ, что онъ социаль-революціонеръ, скоро добьется общаго равноправія, уничтожить начальство и т. д. Сбрасываетъ съ себя бѣлье, рветъ матрацъ, портитъ стѣны, ломаетъ посуду; неопрятенъ. Плохо спитъ, мало ѣстъ. Къ концу сентября психодвигательное возбужденіе начинаетъ уменьшаться, а въ октябрѣ падаетъ замѣтно. Опрятенъ. Сонъ и аппетитъ улучшаются. Остаются эйфорія, повышенное самочувствіе, легкая психическая возбудимость. Переоцѣниваетъ свои физическія силы, свои способности вообще: считаетъ себя чрезвычайно развитымъ и интеллигентнымъ человѣкомъ, обладающимъ чрезвычайными музыкальными дарованіями; о своей политической дѣятельности

выражается много скромнѣе. До мелочей помнить время своего пребыванія въ лѣчебницѣ. Въжливъ и покоенъ. Постепенное возстановленіе психическаго здоровья.

IV. П. 44 л., жен., исправникъ одного изъ городовъ N—ской губерніи; вообще, отличался хорошимъ здоровьемъ, пилъ мало; наследственность хорошая. Въ 1904 году обнаружилась рѣзкая переменѣ въ характерѣ больного: сдержанный и угрюмый—сталъ требовательнымъ и придиричивымъ, подозрительно относился къ окружающимъ; измѣнчивость настроенія; безпричинно смѣялся, пѣлъ, свисталъ; пересталъ спать; временами настроеніе сильно приподнятое; гнѣвливость, расточительность; покупалъ много ненужныхъ вещей, дѣлалъ долги, затѣвалъ крупныя постройки. Незадолго до помѣщенія въ лѣчебницу выражалъ намѣреніе зарѣзать свою жену и дочь, объясняя это тѣмъ, что онъ видѣлъ сонъ, по которому ему надо было это сдѣлать. По дорогѣ въ городъ N., разсердившись на ямщика, который его везъ, изъ-за какихъ-то пустяковъ, принялся его душить настолько энергично, что ямщика едва отъ него отняли. До помѣщенія въ лѣчебницу исполнялъ служебныя обязанности, будучи больнымъ, и даже участвовалъ лично въ репрессіяхъ и экзекуціяхъ. Былъ привлеченъ къ уголовной отвѣтственности по 489 и 563 ст. (преждевременное вскрытіе пакетовъ при торгахъ и нарушеніе установленнаго порядка при производствѣ купли и продажи). Въ психіатрическое отдѣленіе N—ской больницы былъ помѣщенъ 24 апрѣля 1906 г. Психодвигательное возбужденіе, эйфорическое настроеніе; считаетъ себя здоровымъ, собирается ѣхать въ Казань лѣчиться отъ неврастенія, которой заболѣлъ отъ службы; изъ Казани поѣдетъ въ Крымъ, Неаполь, Римъ, а можетъ быть и еще куда-нибудь; обнаруживаетъ довольно безсвязный бредъ величія—предполагаетъ производить большія постройки, раздать много денегъ, заняться улучшеніемъ своего города, вездѣ насадить сады, провести дороги, построить мосты. Хорошо упитанъ, ростъ ниже средняго.

1 мая 1906 г. переведенъ въ Казанскую окружную лѣчебницу. Сначала тѣ же симптомы; со стороны физической—отсутствіе свѣтовой реакціи зрачковъ при ихъ неравномѣрности; незначительные дефекты артикуляціи рѣчи; слегка патетическая походка; въ іюлѣ угнетеніе, тоска, б. ч. лежитъ въ постели, отказывается отъ физическаго изслѣдованія; неопрятенъ. Разстройство памяти и ассоціативныхъ процессовъ.

Безсмысленный бредъ величія: опъ великій князь Алексѣй, посланникъ, ревизоръ; исправникъ П.—его псевдонимъ; опъ потомокъ царя, выходецъ изъ Россіи, страшно богатъ. Жалуется, что его лишили ногъ гипвозомъ, собирается поступать на частную службу. Временами живо изображаетъ поступать надъ крестьянами, видитъ себя начальникомъ карательной экспедиціи, днемъ и ночью кричитъ сдавленнымъ голосомъ: „вотъ тебѣ! вотъ тебѣ!“ и другимъ, тонкимъ голосомъ, какъ бы подражая жевщичѣ: „батюшка родимый! Христа ради, прости-и-и!“ Иногда отказывается отъ нищи, боясь отравленія. Замѣтно слабѣетъ физически и умственно. „Опъ совершенно здоровъ, опъ докторъ медицины, докторъ правъ; у него только трахома уда и кишечника; при Николаѣ I-омъ участвовалъ въ карательной экспедиціи“... Постепенное паденіе питанія съ ухудшеніемъ болѣзненныхъ симптомовъ. Exitus 21 июля 1908 г. при явленіяхъ упадка сердечной дѣятельности. Аутопсія обнаружила: жировое перерожденіе сердечной мышцы, склерозъ аорты; рѣзко выраженный отекъ легкихъ. *Leptomeningitis diffusa chronica*. *Encephalitis superficialis diffusa chronica*. *Sclerosis vasorum cerebri*. *Oedema piae matris*. *Hydrocephalus internus chronicus*. *Hyperaemia passiva cerebri*. *Atrophia substantiae griseae et albae cerebri*. *Ependymitis chronica ventriculi quarti granularis*.

Хотя свѣдѣній относительно бывшаго у П. Iues'a и не получено, но картина болѣзни выступаетъ съ очевидностью и безъ этого.

Исторіи слѣдующихъ трехъ больныхъ мы представимъ лишь въ отрывочномъ видѣ, такъ какъ этого вполне достаточно для нашихъ цѣлей.

V. Г-жа В. П., 35 л., уже 10 л. страдаетъ душевнымъ разстройствомъ, по поводу котораго тогда же временно была помѣщена въ одну изъ специальныхъ лѣчебницъ г. Москвы; къ тому же времени относится и начало образованія и развитія обширнаго бреда больной, страдающей *Paranoia chronica*. На содержаніе бреда больной несомнѣнно имѣли вліяніе, отразившись въ немъ, нѣкоторыя извращенно воспринятія и истолкованія ея событія..... больная, по ея словамъ, дѣйствительно г-жа П., но она „всегда“ вращалась въ высшемъ обществѣ, среди придворныхъ и лицъ императорской крови; держать себя „въ свѣтѣ“ умѣетъ; пользовалась общимъ

почетомъ, встрѣчала всюду знаки вниманія и уваженія въ своей особѣ. „Годъ реформъ“ она проводила въ Москвѣ и 17 октября 1905 года получила сама отъ Царя высокое званіе „Реформы“. 10 декабря 1906 года состоялось въ Москвѣ торжественное признаніе ея „на одинаковыхъ правахъ съ державцами“: около Кремля собрались войска, иностранные государи и Царь; больная случайно находилась здѣсь же; произнесли громогласно „узаконяю“, всѣ закричали „ура“; больная уже потомъ догадалась, что слово „узаконяю“ относилось къ ней, она не сообразила этого сразу, такъ какъ всегда была ротовѣйкой. Затѣмъ она поступила въ одну изъ московскихъ лѣчебницъ, гдѣ въ скоромъ времени къ ней было приставлено „гувернерство“; „изъ нея шель разговоръ“, который предписывалъ ей каждый разъ поступать опредѣленнымъ образомъ; тогда же „медицина“ помогла ей „установить округленность“ съ иностранными „державами“, т. е., сообщенія „передачей мыслей“ отъ одного двора къ другому и къ ней; она стала „императрицей всѣхъ державъ“.....

VI. А. П., 43 л.; рядъ физическихъ признаковъ вырожденія. Въ дѣтствѣ страдалъ родимчиками, перенесъ травму въ область лба; послѣ тифа, осложнившагося менингитомъ, пересталъ говорить и не говорилъ цѣлый годъ; 10-ти лѣтъ выучился читать и писать, но ариѳметика никакъ ему не давалась; вслѣдствіе явной неспособности ученіе было прекращено. Развилась рѣзко выраженная отсталость, Debilitas mentis. Лѣтъ 20 т. наз. занимался „скороходствомъ“ и обращалъ на себя вниманіе своей быстрой ходьбой по улицамъ Петербурга, такъ что про него даже говорили, что онъ ходитъ на пари. Въ Казанскую Окружную лѣчебницу поступилъ въ маѣ 1906 г. Между прочимъ, нараспѣвъ, съ дѣтской манерой говорить, рассказываетъ, что онъ поступилъ въ Казанскую лѣчебницу для удостовѣренія личности, чтобы не попасть въ Петербургѣ въ тюрьму, такъ какъ тамъ безпорядки, и его могли по ошибкѣ смѣшать съ кѣмъ-либо другимъ и арестовать; онъ имѣетъ 13 медалей за скороходство и бумажную медаль за терпѣніе; онъ носитъ значекъ члена Государственной Думы (носить въ петлицѣ пиджака откуда-то добытый имъ значекъ въ видѣ маленькаго мѣднаго орла), такъ какъ его выбрали въ Петербургѣ въ Таврическомъ дворцѣ черезъ Императора Николая II; Государь прямо на-

значилъ его, не потому, что его не выбрали бы, а для вѣрности, чтобы не было недоразумѣній, на всякій случай...

VII. К., 36 л., образованный, интеллигентный человѣкъ, страдаетъ хроническимъ психозомъ алкогольнаго происхожденія; высказываетъ обширный, весьма интересный и оригинальный по содержанию бредъ; уже будучи больнымъ, между прочимъ, рассказывалъ, что онъ читалъ въ газетахъ сообщеніе о своемъ избраніи въ число членовъ Государственной Думы; его бредъ вообще имѣетъ политическую окраску, но мы не приводимъ его, такъ какъ онъ могъ сложиться, въ смыслѣ содержанія, и внѣ политическихъ событій того времени.

Мы могли бы привести еще рядъ случаевъ аналогичныхъ описаннымъ нами, но думаемъ, что для мотивировки нашихъ взглядовъ на рассматриваемый вопросъ можно ограничиться приведенными.

III.

Разберемъ теперь въ приведенномъ наблюдавшемся нами матеріалѣ и попытаемся дать ему оцѣнку, въ смыслѣ его значенія для интересующаго насъ вопроса, въ связи съ литературными данными.

Если мы обратимся къ первому случаю, то безъ труда увидимъ въ немъ аналогію со случаями, описанными *Рыбаковымъ*, какъ по условіямъ возникновенія душевнаго заболѣванія, такъ и по его клинической картинѣ. Въ самомъ дѣлѣ: болѣзненное расстройство развивается въ связи съ революционными событіями; развивается быстро; въ клинической картинѣ замѣтно выражень элементъ психическаго угнетенія, явленія страха, тревога, первое время лѣченія наблюдалась и склонность къ послабляющему теченію болѣзни; душевное заболѣваніе появилось первый разъ; замѣтна склонность болѣзненной картины, по выраженію *Рыбакова*, „къ паранояльному плану (идеи преслѣдованія)¹⁾“; имѣются на лицо бредовыя идеи, связанныя съ текущими событіями.

¹⁾ Считаемо необходимымъ оговориться, что повторяя терминъ «паранояльный», мы хотѣли лишь подчеркнуть сходство явленій съ описан-

Принимая во вниманіе представленный нами симптомо-комплекс психоза и его теченіе, мы вправѣ смотрѣть на описанное заболѣваніе, какъ на депрессивный психозъ. Обращаясь къ изученію этиологии заболѣванія, мы не находимъ указаній на психопатическую и невропатическую наслѣдственность; равнымъ образомъ, мы не могли получить указаній на истощающія болѣзни предковъ, которыя отразились бы на нервной системѣ больного. Тѣмъ не менѣе, мы не можемъ допустить, чтобы у человѣка съ прочной и устойчивой нервной системой подъ вліяніемъ нравственныхъ волненій, хотя бы и довольно значительной силы, тотчасъ же обнаружались признаки душевнаго расстройства, быстро дошедшаго въ своемъ развитіи до степени опредѣленной клинической картины; мы не можемъ допустить, чтобы такое моральное вліяніе явилось первичной и единственной причиной душевнаго заболѣванія, безъ наличности предрасположенія, уже ранѣе присущаго нервной системѣ заболѣвшаго. Въ анамнезѣ больного мы не находимъ указаній на наслѣдственность, да и врядъ ли въ данномъ случаѣ имѣется особое основаніе настаивать на этомъ: въ самомъ дѣлѣ, если мы обратимъ вниманіе на образъ жизни больного, то увидимъ, что, занимаясь въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ интенсивнымъ умственнымъ трудомъ, совмѣщая двѣ отвѣтственныхъ, нелегкихъ должности, онъ значительно переутомлялся, что отмѣчалъ и самъ; кромѣ того, объективное изслѣдованіе обнаружило отчетливо выраженный артеріосклерозъ (больному 51 г.); переутомленіе и склерозъ сосудовъ являются условіями достаточными даже и при раздѣльномъ ихъ существованіи, чтобы обусловить предрасположеніе къ душевному заболѣванію; очевидно, такое предрасположеніе имѣлось и въ нашемъ случаѣ, а при этомъ условіи вліяніе психической травмы, подѣйствовавшей на

Рыбаковымъ; примѣненіе же этого термина для обозначенія идей преслѣдованія нежелательно и неправильно, такъ какъ 1) идеи преслѣдованія не характеризуютъ *paranoia chronica* по существу и 2) наблюдаются при рядѣ другихъ психозовъ. В. О.

больного, оказалось достаточной вызывающей причиной для развитія душевнаго разстройства. Кромѣ переутомленія и артеріосклероза, существенно важно отмѣтить и значеніе инволюціоннаго возраста больного, дающаго почву для развитія психозовъ, особенно депрессивнаго, меланхолическаго характера.

Итакъ, у нашего больного, обладающаго здоровой наслѣдственностью, политическія событія явились причиною, вызвавшею душевное заболѣваніе вслѣдствіе того, что объектомъ дѣйствія этой причины оказалась нервная система чловека, отягощеннаго лично приобрѣтеннымъ предрасположеніемъ къ заболѣванію психическимъ разстройствомъ.

Быть можетъ, моральныя потрясенія другого происхожденія, какъ напр., смерть любимаго лица и т. под., привели бы къ такому же результату, но въ данномъ случаѣ такимъ вызывающимъ моментомъ явились политическія событія, и съ этимъ нельзя не считаться.

Отсутствіе наслѣдственнаго расположенія къ душевнымъ заболѣваніямъ наблюдалось въ цѣломъ рядѣ случаевъ *Рыбакова*; сюда относятся три случая изъ первыхъ семи наблюдавшихся (сл. 2, 5, 6), и весьма вѣроятно, что и для нѣкоторыхъ случаевъ изъ второй работы наличность психопатической наслѣдственности представляется въ довольно неопредѣленномъ видѣ; напр., сл. 1—*отецъ выпивалъ*, мать страдала, *повидимому*, душевнымъ разстройствомъ; было бы важно знать, когда началъ пить отецъ, до или послѣ рожденія больного, какъ онъ пилъ; о матери также было бы желательно имѣть болѣе достовѣрныя свѣдѣнія; сл. 2—тетка страдала прогрессивнымъ параличемъ; какъ же могъ прогрессивный параличъ тетки отразиться на нервной системѣ племянника? вѣдь до настоящаго времени мы не можемъ принять, что прогрессивнымъ параличемъ заболѣваютъ наслѣдственно отягощенные сифилитики; на основаніи сказаннаго, сл. 2 не слѣдовало бы причислять къ категоріи случаевъ, въ которыхъ выражено наслѣдственное предрасположеніе. Сл. 4—отецъ умеръ отъ

акоплексиі—важно знать возрастъ, въ которомъ умеръ отецъ; что же касается замѣчанія, что мать и братъ раздражительные люди, то причинная связь этой неопредѣленной характеристики съ наследственнымъ отягощеніемъ больного требуетъ доказательства.

Если *Рыбаковъ* нѣсколько поспѣшилъ съ заявленіемъ о частотѣ политическихъ психозовъ у лицъ здоровыхъ и безъ наследственнаго расположенія на основаніи 7 наблюдений, то нельзя не признать, что онъ слишкомъ легко и отказался отъ своего первоначальнаго мнѣнія, тѣмъ болѣе, что утвержденіе его о наличности наследственнаго отягощенія во всѣхъ 5 случаяхъ, сообщенныхъ имъ во второй работѣ, грѣшитъ нѣкоторой натяжкой; наблюдения *Рыбакова* не давали ему права дѣлать выводъ, что отсутствіе психопатической наследственности у лицъ, заболѣвшихъ политическими психозами, явленіе случайное. Ошибка *Рыбакова* въ томъ, что онъ призналъ заболѣвшихъ не носившими въ себѣ расположенія къ душевному разстройству, а психическую политическую рану факторомъ такой силы и свойства, который самъ по себѣ, безъ подготовленной почвы, способенъ вызвать душевное разстройство; *Рыбаковъ* упустилъ изъ вида возможность *приобрѣтеннаго* расположенія къ заболѣванію въ нѣкоторыхъ изъ наблюдавшихся имъ случаевъ и призналъ во второй работѣ необходимость *наследственнаго* расположенія, объяснивъ заболѣванія безъ психопатической наследственности случайностью.

Къ сожалѣнію, авторы, даже отстаивающіе необходимость наследственнаго расположенія для развитія политическихъ психозовъ, далеко не всегда указываютъ въ приводимомъ имъ казуистическомъ матеріалѣ данныя наследственности; эти данныя отсутствуютъ, напр., въ работахъ *Германа*, *Мухина* и нѣк. др.; конечно, далеко не всегда легко и возможно получить необходимые свѣдѣнія, но эта невозможность должна быть отмѣчена.

Справедливо указываетъ проф. *Чижъ*, что нѣкоторыя исторіи болѣзни носятъ слишкомъ общій и неопредѣленный

характеръ; особенное вниманіе обращаютъ въ этомъ направленіи свѣдѣнія о заболѣвшихъ, сообщаемыя *Ярошевскимъ*; такія напр., указанія на наследственность, какъ „мать нервная“ (сл. 3, 4), очень мало выясняютъ дѣло.

Приведенная нами казуистика охватываетъ 72 случая душевнаго расстройства. Если мы всѣ случаи съ неопредѣленной наследственностью и всѣ случаи, въ которыхъ свѣдѣнія о наследственности не сообщаются, отнесемъ въ группѣ заболѣваній на почвѣ наследственнаго расположенія, то все-таки оказывается 20 случаевъ, въ которыхъ указаній на психопатическую наследственность обнаружить не удастся; это составляетъ 28 изъ 100 или $38\frac{1}{2}\%$; если же выкинуть изъ счета неопредѣленные и неизвѣстные въ указанномъ отношеніи случаи, то вычисленное процентное отношеніе значительно увеличится.

Видѣть причину всѣхъ душевныхъ заболѣваній въ наследственномъ расположеніи неправильно; во-первыхъ, такое положеніе не доказано, во-вторыхъ, мы знаемъ цѣлый рядъ весьма серьезныхъ факторовъ, предрасполагающихъ къ помѣшательству, значеніе которыхъ не опровергнуто и которые устанавливають приобрѣтенное расположеніе.

Принимая во вниманіе литературу предмета и изложенныя соображенія, слѣдуетъ притти къ выводу, что т. наз. *политическіе или революціонные психозы развиваются у лицъ, одержимыхъ наследственнымъ или приобрѣтеннымъ расположеніемъ къ душевнымъ заболѣваніямъ и подвергшихся дѣйствию психической травмы, обусловленной политическими событіями*. Изъ сказаннаго вытекаетъ, что психическая политическая травма не можетъ быть разсматриваема, какъ первичная причина душевнаго расстройства, а что она является моментомъ вызывающимъ.

Д-ръ *Бернштейнъ*, скептически относясь къ этиологическому значенію психической травмы въ развитіи душевнаго расстройства, полагаетъ, что этотъ вопросъ пора сдать въ архивъ; къ мнѣнію *Бернштейна* присоединяется и *Чижевъ*.

Слѣдуетъ замѣтить, что о роли моральныхъ вліяній, какъ первичной причинѣ помѣшательства, давно уже не говорится въ современныхъ руководствахъ по психіатріи; этотъ факторъ относится къ числу причинъ производящихъ или вызывающихъ; противъ этого, вѣроятно, не сталъ бы возражать ни д-ръ *Бернштейнъ*, ни проф. *Чижъ*; мы знаемъ, что психическіе процессы суть процессы психофизиологическіе и что теченіе ихъ сопровождается рядомъ біологическихъ процессовъ и измѣненій въ ихъ анатомическомъ субстратѣ; эти измѣненія при бурныхъ, интенсивно протекающихъ психическихъ процессахъ отличаются рѣзкостью, сопровождаются довольно грубыми пертурбаціями въ системѣ кровообращенія, секреторныхъ и экскреторныхъ функций, въ иннервации поперечнополосатой и гладкой мускулатуры, въ измѣненіи обмѣна веществъ въ организмѣ и т. д. Мы не думаемъ, чтобы постоянно повторяющіяся въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени сильныя эмоціи проходили безслѣдно для организма (*Mosso*); въ настоящее время вопросъ о связяхъ и соотношеніи между психическими и физиологическими процессами очень интересуетъ ученыхъ; мы только-что познакомились, напр., съ интересной монографіей проф. *Weber*'а „О вліяніи психическихъ процессовъ на тѣло“¹⁾, имѣющей близкое отношеніе къ затронутому вопросу; на основаніи изложеннаго слѣдуетъ притти къ заключенію, что вопросъ о причинной связи моральныхъ вліяній съ душевнымъ здоровьемъ нельзя еще сдавать въ архивъ; можетъ быть, это придется сдѣлать со временемъ, но не сейчасъ; пока же, напротивъ, этотъ вопросъ находится въ періодѣ своей научной разработки, которая, конечно, дастъ ему со временемъ правильное, научное освѣщеніе.

Конечно, когда говорится о причинной связи политическихъ событій съ душевными заболѣваніями, подразумѣвается

¹⁾ Prof. *E. Weber*. Der Einfluss psychischer Vorgänge auf den Körper insbesondere auf die Blutverteilung.—Berlin. 1910.

вредоносное вліяніе связанной съ этими событіями психической травмы; ея значеніе оцѣнивается. Однако революціонныя событія сопровождаются весьма крупными и глубокими нарушениями жизни страны; они сопровождаются экономическими кризисами, голодовками, переутомленіемъ и другими факторами, которые могутъ сообщить лицамъ, подвергшимся ихъ вліянію, предрасположеніе къ душевному заболѣванію; только съ этой точки зрѣнія и можно говорить о томъ, что революціонная эпоха содержитъ достаточно средствъ, чтобы снабдить человѣка здороваго, какъ психопатическимъ расположеніемъ, такъ и производящую причину и сдѣлать его душевно-больнымъ¹⁾. Только-что упомянутые факторы и имъ подобныя характеризуютъ далеко не однѣ революціонныя эпохи, поэтому и не всѣ душевныя заболѣванія, развившіяся въ періодъ революціи, можно относить къ революціоннымъ или политическимъ психозамъ. Говоря о политическихъ психозахъ, нельзя однако примѣнить всецѣло и къ точкѣ зрѣнія *Скляра*, который говоритъ, что только въ томъ случаѣ можно считать психозъ вызваннымъ опредѣленной причиной, если съ прекращеніемъ ея дѣйствія заболѣваніе прекращается: во-первыхъ, чаще намъ приходится считаться съ результатами вліянія сочетанныхъ причинъ, а во-вторыхъ, вредоносныя причины нерѣдко влекутъ за собою такія стойкія послѣдствія, что и съ удаленіемъ вредоносной причины заболѣваній организмъ уже не въ состояніи бываетъ оправиться.

Въ настоящей работѣ мы не задавались цѣлью привести полностью весь клинической матеріалъ, имѣющій ту или иную связь съ политическими событіями и находившійся подъ нашимъ наблюденіемъ; съ такими больными приходится встрѣчаться и до настоящаго времени; еще совѣмъ недавно намъ пришлось наблюдать одного больного, заболѣвшаго благодаря

¹⁾ В. П. Осиповъ. Профилактика душевныхъ разстройствъ въ связи съ ихъ этиологіей (вступительная лекція, чит. 6 окт. 1906 г.).—Неврологическій Вѣстникъ. Т. XIV, вып. 3—4. Стр. 49.

воздѣйствию политической травмы психическаго характера; въ этомъ случаѣ вредоносному дѣйствию травмы подпалъ человѣкъ, отягощенный психопатической наслѣдственностью; мы не сообщаемъ подробности этого заболѣванія, такъ какъ аналогичные случаи достаточно освѣщены въ литературѣ.

Перейдемъ къ анализу слѣдующихъ наблюдавшихся нами случаевъ душевнаго расстройства. Во II сл. дѣло идетъ о хроническомъ галлюцинаторномъ психозѣ, развившемся на почвѣ наслѣдственнаго психопатическаго расположенія, повидимому, въ связи съ бывшей операціей, за годъ до случайнаго эпизода изъ революціоннаго времени, вызвавшаго обостреніе, ухудшеніе душевнаго расстройства, которое до того ясно не сознавалось окружающими. Несомнѣнно, что и какой-нибудь другой вызывающій моментъ могъ вызвать аналогичные результаты. Этотъ случай по своему отношенію къ политическимъ событіямъ совпадаетъ съ тѣми, на основаніи которыхъ дѣлаетъ свои выводы д-ръ *Бернштейнъ*.

Принимая во вниманіе условія развитія нѣкоторыхъ случаевъ душевныхъ заболѣваній, описанныхъ въ литературѣ, въ особенности же клинической матеріаль д-ра *Бернштейна* и наблюдавшійся нами сл. II, мы приходимъ къ заключенію, что *психическая политическая травма, падая на мизъ, находящихся уже въ состояніи душевнаго расстройства, можетъ повлечь за собою обостреніе теченія ихъ заболѣванія.*

Случай III не представляетъ затрудненія для распознаванія: больной страдаетъ маниакально-депрессивнымъ психозомъ съ періодическимъ теченіемъ; но отношеніе заболѣванія къ событіямъ революціонной эпохи, въ которыхъ больной принималъ активное участіе, нѣсколько своеобразное; до сихъ поръ мы искали и устанавливали причинное отношеніе между революціонными событіями и развившимися въ связи съ ними душевными расстройствами,—въ этомъ случаѣ наблюдается отношеніе обратное: скромный и тихій юноша (пить онъ началъ позднѣе) заболѣваетъ душевной болѣзью и въ періодѣ

маніакальнаго возбужденія съ увлеченіемъ начинаетъ посѣщать митинги и даже выступаетъ въ качествѣ оратора; вступаетъ въ конфликты съ полиціей и приобретаетъ репутацію революціонера. Здѣсь событія революціи не только не явились причиною заболѣванія; они даже не способствовали его развитію, а *душевное заболѣваніе явилось причиною участія больного въ революціонныхъ событіяхъ*. Въ маніакальнаго состоянія С. застѣнчивъ; онъ необразованъ и не только не выступилъ бы въ качествѣ публичнаго оратора, но онъ даже не любитъ говорить объ этомъ и бываетъ очень недоволенъ, если ему напоминаютъ объ его политической дѣятельности. Аналогичное наблюденіе встрѣчаемъ въ сл. 1, описанномъ проф. *Мухинымъ*.

Нами разобрано три приведенныхъ случая душевнаго разстройства, и во всѣхъ трехъ случаяхъ отношеніе революціонныхъ событій къ наблюдавшемуся заболѣванію совершенно различно: въ сл. I эти событія явились моментомъ, вызвавшимъ душевное разстройство на подготовленной почвѣ, въ сл. II—моментомъ, повлекшимъ за собою обостреніе уже существовавшаго психоза, въ сл. III самый психозъ послужилъ причиною нѣкоторой причастности больного къ политическимъ волненіямъ. Всѣ эти возможности отмѣчены въ приведенной нами литературѣ (только 3-я возможность отмѣчена въ одномъ случаѣ); нѣкоторая погрѣшность авторовъ, описывавшихъ свои наблюденія, заключается въ томъ, что, дѣлая выводы изъ наблюдавшихся ими случаевъ опредѣленной категоріи, они стремились обобщить эти выводы, какъ бы не допуская, что другіе авторы могли имѣть объектомъ изученія случаи иной категоріи.

Въ нашемъ IV сл. душевное разстройство квалифицируется, конечно, какъ прогрессивный параличъ помѣшанныхъ; хотя свѣдѣній о бывшемъ у больного сифилисѣ получить и не удалось, однако клиническая картина болѣзни ставитъ это распознаваніе внѣ сомнѣній. Почти два года (до конца апрѣля 1906 г.) больной оставался на службѣ, занимая отвѣтствен-

ную должность и будучи облеченнымъ немалой властью; правда, въ результатѣ у него обнаружилась преступленія по службѣ (онъ былъ привлеченъ, уже будучи больнымъ, по 489 и 503 ст.), но было бы понятнo лучше, если бы П. былъ устраненъ отъ службы со времени начала заболѣванія. Въ этомъ случаѣ душевное заболѣваніе не имѣетъ никакой причинной связи съ революціонными событіями, но самый случай является прекрасной иллюстраціей, говорящей противъ заявленія проф. *Чижа*, что среди руководителей и участниковъ карательныхъ экспедицій не было душевно-больныхъ. Какъ извѣстно, ни высшіе, ни низшіе военные чины, ни полицейскіе чиновники не подвергаются специальной психіатрической экспертизѣ, въ особенности въ отношеніи наличности психопатическаго расположенія; эти люди могутъ подвергаться заболѣванію такъ же, какъ и другіе, и гарантія ихъ отъ пораженія психическимъ расстройствомъ звучитъ во всякомъ случаѣ недостаточно убѣдительно и доказательно.

Теперь мы перейдемъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, не даютъ ли революціонныя событія, точнѣе, психическая политическая травма, имѣ сопутствующая, душевныхъ заболѣваній одного опредѣленнаго характера, клиническая картина которыхъ свойственна именно этому вызывающему моменту, а не другому?

Мы уже высказали совершенно опредѣленно мнѣніе, основанное на опытѣ и на изученіи литературы предмета, что психическая политическая травма можетъ приводить къ душевному расстройству только лицъ, одержимыхъ наслѣдственнымъ или прибрѣтеннымъ расположеніемъ къ заболѣванію; свойства этого расположенія несомнѣнно должны оказывать извѣстное вліяніе на характеръ развивающагося психоза; мы вправѣ ожидать въ такихъ случаяхъ развитія различныхъ душевныхъ заболѣваній подъ вліяніемъ одной общей вызывающей причины. Вполнѣ понятнo поэтому, что никто изъ авторовъ, писавшихъ о политическихъ психозахъ, и не высказывалъ подобнаго мнѣнія.

Обращаясь къ литературѣ предмета, видимъ, что высказывалось мнѣніе о томъ, что психическая политическая травма, дѣйствуя въ качествѣ этиологическаго момента, сообщаетъ своеобразную картину и даетъ особый отпечатокъ вызываемому ею душевному разстройству; своеобразіе клинической картины, отмѣченное *Рыбаковымъ*, выражается въ наклонности ея къ паранояльному типу, при чемъ въ однихъ случаяхъ болѣзнь носитъ характеръ настоящей параной, въ другихъ паранояльный элементъ даетъ лишь нѣкоторую своеобразную окраску всему теченію болѣзни или же только ея начальному періоду; кромѣ того,—во всѣхъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ вначалѣ болѣзни, имѣются бредовыя идеи и галлюцинаціи, связанныя съ текущими событіями; почти во всѣхъ случаяхъ замѣтно выражень элементъ тревоги и страха, а въ большинствѣ случаевъ и психическаго угнетенія. Во второй работѣ *Рыбаковъ* заявляетъ опредѣленно, что онъ далекъ отъ мысли, что политическія событія создаютъ какую-либо особую форму болѣзни, однако эти событія, являясь толчкомъ къ развитію душевнаго разстройства, даютъ свою особую окраску заболѣванію не только въ видѣ соответственныхъ бредовыхъ идей и галлюцинацій, но и въ видѣ нѣкоторой особенности въ проявленіи болѣзненной формы. *Скляръ* получилъ впечатлѣніе, что единственное характерное явленіе для разсматриваемыхъ нами психозовъ составляетъ содержаніе галлюцинацій и бредовыхъ представленій, но оно и обыкновенно черпается изъ окружающей обстановки и представленій, подъ влияніемъ которыхъ находился больной до заболѣванія. Большинство авторовъ придерживается точки зрѣнія *Скляра*, лишь *Германъ*, полагающій, между прочимъ, что психическая политическая травма непосредственно способна вызвать душевное заболѣваніе, примыкаетъ къ той клинической характеристикѣ политическихъ психозовъ, которая сдѣлана *Рыбаковымъ*. *Мухинъ* отмѣчаетъ, что въ связи съ революціонными событіями часто наблюдается возникновеніе острыхъ, кратковре-

менныхъ дегенеративныхъ душевныхъ заболѣваній, въ чемъ онъ и видитъ своеобразный отпечатокъ, наглядываемый эпохой; кромѣ того, иногда обманы чувствъ и бредовыя идеи берутъ содержаніе изъ событій революціи; также *Гадзяцкій* отмѣчаетъ, что политическія событія отражаются на бредѣ больныхъ вообще.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что представленіе о политическомъ психозѣ, какъ понятіи клиническомъ, въ смыслѣ заболѣванія *suī generis*, почти не защищается въ литературѣ; поддерживается лишь *своеобразность* клинической картины въ смыслѣ отпечатка, сообщаемого заболѣванію вызывающимъ этиологическимъ моментомъ, да и то не слишкомъ энергично.

Если мы прослѣдимъ случаи, описанные въ литературѣ, мы убѣдимся, что клиническая картина, охарактеризованная *Рыбаковымъ*, дѣйствительно встрѣчается; отчасти ей соотвѣтствуетъ и нашъ сл. I. Однако эта картина далеко и далеко не обязательна, и по справедливому указанію *Скляра* ей не отвѣчаютъ нерѣдко даже случаи самого д-ра *Рыбакова*. Разбирая описанія психозовъ, приводимыя авторами, мы, правда, встрѣчаемся съ указаніями, что однѣ формы психозовъ наблюдаются чаще, другія рѣже (напр., у *Мухина*), но тѣмъ не менѣе, группируя эти заболѣванія, видимъ, что они весьма разнообразны, настолько разнообразны, что мы считаемъ излишнимъ ихъ перечислять.

Остановимся нѣсколько на вопросѣ о томъ, всегда ли въ душевныхъ заболѣваніяхъ, развившихся въ связи съ революціонными событіями, содержаніе бреда и галлюцинацій черпается изъ этихъ событій; насколько политическое содержаніе бреда можетъ являться указаніемъ на то, что душевное заболѣваніе развилось въ связи съ революціонными событіями.

Собранная нами литература показываетъ, что отмѣченная окраска бреда представляется явленіемъ весьма не рѣдкимъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ есть указанія и противоположнаго свойства, изъ которыхъ видно, что психозы, развившіеся въ связи

съ революціонными событіями, вовсе не сохраняютъ отпечатка этихъ событій въ своемъ бредѣ (*Скляръ*); наблюденія, сдѣланныя другими авторами, подтверждаютъ только что упомянутый выводъ *Скляра*. Такъ, въ I сл. изъ наблюдавшихся нами такой отпечатокъ былъ выраженъ, но его совершенно не было въ сл. II.

Принимая во вниманіе сказанное относительно клинической картины психозовъ, развивающихся въ связи съ революціонными событіями, мы считаемъ правильнымъ сдѣлать слѣдующій выводъ: *революціонныя событія не даютъ специальной, имъ однимъ присущей формы душевнаго расстройства; являясь въ некоторыхъ случаяхъ вызывающимъ моментомъ психоза, они приводятъ къ возникновенію разнообразныхъ душевныхъ заболѣваній, при чемъ нередко сообщаютъ известный отпечатокъ этимъ заболѣваніямъ, отражаясь на содержаніи ихъ бреда, впрочемъ, и это послѣднее обстоятельство далеко не обязательно.*

Если мы обратимся къ V, VI и VII описаннымъ нами случаямъ, то увидимъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ, довольно давнихъ по своему началу, а въ сл. VI дѣло даже идетъ о заболѣваніи, начало котораго относится къ раннему дѣтству, и не имѣющимъ по своему происхожденію никакой даже самой отдаленной связи съ политическими событіями, эти послѣднія оказали вліяніе на бредъ больныхъ, войдя, хотя и частично, въ составъ ихъ бреда. Такихъ случаевъ можно было бы привести очень много, они подтверждаютъ лишь старое наблюденіе, что содержаніе бреда больныхъ часто черпается изъ окружающей жизни и что бредъ душевно-больныхъ можетъ расширяться и распространяться за счетъ текущихъ событій. Врядъ ли можетъ быть два мнѣнія по вопросу о томъ, что видѣть причинную связь между содержаніемъ бреда больного и самымъ заболѣваніемъ было бы глубокимъ заблужденіемъ; политическіе психозы не составляютъ исключенія въ этомъ отношеніи, и если бы мы по политиче-

ской окраскѣ бреда вздумали устанавливать ихъ причинную связь съ политическими событіями, мы дали бы лишнее доказательство своего заблужденія, хотя, конечно, попали бы на рядъ случаевъ, въ которыхъ намъ посчастливилось бы *угадать* вѣрно.

Въ литературѣ существуютъ различныя мнѣнія относительно заболѣваемости душевными расстройствами лицъ, принимающихъ пассивное участіе въ революціонныхъ событіяхъ и участвующихъ въ революціи активно. Какъ мы видѣли, въ литературѣ выступаютъ два мнѣнія; первое заключается въ томъ, что заболѣванія душевными расстройствами преобладаютъ среди лицъ первой категоріи, по второму чаще заболѣваютъ активные участники революціи. Такъ, *Рыбаковъ* отмѣчаетъ, что пассивные участники заболѣваютъ гораздо чаще и объясняетъ это тѣмъ, что пассивные, равнодушные къ борьбѣ и даже тяготящіеся ею элементы общества сильнѣе чувствуютъ на себѣ гнетъ происходящихъ событій, и потому психическая рана является для нихъ болѣе чувствительной. По наблюденіямъ *Ярошевскаго* получается какъ разъ обратное отношеніе; а именно, сильнѣе всего заболѣвали люди, принимавшіе активное участіе въ событіяхъ; при этомъ авторъ обращаетъ вниманіе на значительное преобладаніе женщинъ надъ мужчинами. Данныя *Павловской* также говорятъ въ пользу большей заболѣваемости активныхъ участниковъ событій. По подсчету *Шоломовича* $\frac{2}{3}$ всѣхъ заболѣвшихъ были лишь пассивными участниками.

Если мы призываемъ справедливымъ положеніе, что политическія событія могутъ вызвать душевное заболѣваніе только у лицъ въ нему предрасположенныхъ, а противъ этого положенія врядъ ли можно серьезно возражать, то мы уже а priori должны заключить, что заболѣванію могутъ подвергаться лица указанной категоріи, на которыхъ подѣйствовала психическая политическая травма; среди такихъ лицъ, конечно, найдутся и пассивные свидѣтели революціонныхъ со-

бытій, и активные ихъ участники; и на тѣхъ, и на другихъ вліяетъ психическая травма, слѣдовательно, и тѣ, и другіе должны заболѣвать душевнымъ разстройствомъ; приведенное апріорное разсужденіе вытекаетъ всецѣло и изъ литературы предмета, изъ которой съ несомнѣнностью слѣдуетъ, что въ связи съ революціонными событіями *заболѣваютъ, какъ пассивные, такъ и активные ихъ участники*; что же касается преобладанія заболѣваній среди тѣхъ или другихъ, то на основаніи того же матеріала, относительно небольшого и не всегда достаточно обработаннаго, врядъ ли правильно дѣлать какіе-либо рѣшительные выводы, заболѣваній среди пассивныхъ участниковъ наблюдается больше прежде всего уже потому, что ихъ вообще гораздо больше, нежели активныхъ участниковъ; правильное заключеніе возможно лишь при учетѣ указаннаго соотношенія. заключенія же, основанныя лишь на случайномъ накопленіи матеріала, для разрѣшенія поставленнаго вопроса значенія не имѣютъ, кромѣ установленія факта, что *заболѣванія развиваются среди лицъ обѣихъ категорій*.

Ярошевскій упоминаетъ о большей заболѣваемости женщинъ по сравненію съ мужчинами; но этотъ вопросъ тоже нельзя рѣшить на основаніи небольшого матеріала, имѣющагося въ нашемъ распоряженіи; если сосчитаемъ, сколько мужчинъ и женщинъ входитъ въ составъ описанныхъ въ литературѣ 72 случаевъ, то окажется 51 м. и 21 ж.; выводъ какъ разъ обратный сдѣланному *Ярошевскимъ* на основаніи 11-ти случаевъ; но и этотъ выводъ очень сомнителенъ, такъ какъ вытекаетъ изъ матеріала, подобраннаго до извѣстной степени искусственно, а именно: *Мухинъ* изучалъ матеріалъ военнаго госпиталя, исключительно мужской, часть больныхъ *Павловской* находилась на пользованіи въ женскомъ отдѣленіи лѣчебницы, которая, повидимому, отчасти и давала матеріалъ для изученія. Быть можетъ, дѣйствительно большее число заболѣваній падаетъ на мужчинъ, но вѣроятно это

объясняется тѣмъ, что активное участіе въ революціи принимаетъ большее число мужчинъ, нежели женщинъ.

Относительно исхода политическихъ психозовъ нельзя высказываться вообще; о ихъ сравнительно благоприятномъ исходѣ (*Рыбаковъ*) или о лучшемъ предсказаніи у активныхъ участниковъ событій (*Павловская*) можно было бы говорить въ томъ случаѣ, если бы мы встрѣчались съ болѣе или менѣе обособленной или единообразной формой заболѣваній; но разъ мы пришли къ выводу, что политическія событія вызываютъ разнообразныя душевныя расстройства, являясь толчкомъ, производящимъ моментомъ у лицъ, предрасположенныхъ къ заболѣванію, то мы можемъ устанавливать предсказаніе не для политическихъ психозовъ вообще, а по отношенію къ каждому отдѣльному случаю заболѣванія, тщательно индивидуализируя его, исходя въ своихъ соображеніяхъ изъ тщательно взвѣшенныхъ условий личнаго предрасположенія, причинъ, характера и формы заболѣванія.

По поводу элемента „влюбленности“, отмѣченнаго *Павловской* у наблюдавшихся ею больныхъ, высказывались уже *Гадзяцкій* и *Мухинъ*.

Одинъ изъ весьма существенныхъ вопросовъ, связанныхъ съ революціонными періодами, это вопросъ о томъ, увеличиваютъ ли связанные съ ними вредоносные факторы количество душевно-больныхъ и насколько это увеличеніе значительно.

Къ сожалѣнію, мы не считаемъ для себя возможнымъ дать достаточно точный отвѣтъ на поставленные вопросы. Принимая во вниманіе, что смутная эпоха несомнѣнно увеличиваетъ количество факторовъ, неблагоприятно дѣйствующихъ на душевное здоровье населенія, мы должны логически допустить, что число душевно-больныхъ въ ближайшее къ этой эпохѣ время должно увеличиться; правильность этого положенія подтверждается отчасти аналогіей изъ военнаго времени: опытъ послѣдней русско-японской войны, въ которой

велась хотя приблизительная статистика душевно-заболѣвающихъ въ дѣйствующей арміи, показали, что эта заболѣваемость выше заболѣваемости мирнаго времени, хотя и немного (*Мухинъ* и др.); было бы не ясно, если бы революція, содержащая много общихъ факторовъ съ войною, не увеличила количества душевно-больныхъ въ населеніи. Но мы совершенно не въ состояніи отвѣтить на вопросъ, насколько увеличивается количество душевно-больныхъ подъ вліяніемъ революціонныхъ періодовъ вообще, а въ частности подъ вліяніемъ минувшаго революціоннаго періода въ Россіи. Конечно, перечисленіе нѣсколькихъ десятковъ случаевъ, описанныхъ въ литературѣ, даже косвенно не помогаетъ рѣшенію вопроса. Правительственныя, земскія и городскія лѣчебницы для душевно-больныхъ могли бы способствовать до извѣстной степени освѣщенію вопроса опубликованіемъ подробныхъ отчетовъ; б. м. нѣсколько больше могли бы освѣтить дѣло частныя лѣчебницы, такъ какъ большинство изъ нихъ, не будучи пересыщены количествомъ больныхъ, вѣроятно, живѣе реагируютъ на увеличеніе душевныхъ заболѣваній въ населеніи, хотя исключительно въ его зажиточныхъ классахъ, но такихъ свѣдѣній у насъ нѣтъ, кромѣ приводимыхъ въ статьѣ д-ра *Берштейна*. Нѣтъ у насъ и статистики душевно-больнаго населенія въ Россіи, а количество душевно-больныхъ, находящихся въ специальныхъ лѣчебницахъ, не достигаетъ въ Россіи 10% всего ихъ числа. При такихъ условіяхъ нельзя и требовать точнаго отвѣта на поставленный вопросъ, тѣмъ болѣе, что часть душевныхъ заболѣваній, особенно при условіяхъ революціоннаго времени, ускользаетъ отъ регистраціи, а кромѣ того, вопросъ о количествѣ душевныхъ заболѣваній близко связанъ съ вопросомъ о количествѣ самоубійствъ и ихъ причинахъ; разсматривать и рѣшать первый вопросъ безъ основательнаго сопоставленія его со вторымъ мы считаемъ неправильнымъ.